Французская волчица

Автор:
Морис Дрюон

Французская волчица

Морис Дрюон

Проклятые короли #5

В трагическую годину История возносит на гребень великих людей; но сами трагедии – дело рук посредственностей. Прошло полгода после кончины Филиппа Красивого. При его правлении Франция была великой державой. Но сын Железного короля Людовик X – монарх слабый и неумелый, и вот уже мятежные бароны сеют смуту в провинции, чиновники разворовывают государственную казну. В стране голод. Но, возможно, это всего лишь сбывается проклятие Великого магистра ордена тамплиеров.

Морис Дрюон

Французская волчица

Maurice Druon

LA LOUVE DE FRANCE

© 1957 by Maurice Druon

© Ю Дубинин, перевод с французского, 2012

© Л. Ефимов, перевод с французского (комментарии), 2012

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2012

* * *

Французская волчица, чьи клыки остервенело вгрызаются во чрево твоего увечного супруга.

Томас Грей

Я хочу еще раз выразить горячую признательность Пьеру де Лакретелю, Жоржу Кесселю, Мадлен Мариньяк за ценную помощь, которую они оказали мне во время работы над этим томом; хочу также выразить свою благодарность бригадному генералу Л. Ф. Е. Уайлеру, кавалеру «Ордена Бани» 3-й степени, кавалеру «Ордена Британской империи» 2-й степени, майору и коменданту-резиденту Лондонского Тауэра, который направлял меня при изучении этого монумента, равно как и м-ру Дж. А. Ф. Томпсону из Оксфордского Бэлиол-колледжа, который любезно согласился проконтролировать главы, касающиеся истории Англии; и как всегда поблагодарить работников Национальной библиотеки и Национальных архивов за необходимое содействие моим изысканиям.

М. Д.

Пролог

…И предсказанные кары, проклятия, брошенные с высоты костра Великим магистром Ордена тамплиеров, лавиной обрушивались на Францию. Судьба сражала королей, словно шахматные фигуры.

После Филиппа IV Красивого, внезапно унесенного смертью, после его старшего сына Людовика X, отравленного через полтора года, казалось, его второго сына Филиппа V ожидало долгое царствование. Но прошло шесть лет, и Филипп V в свою очередь скончался, не достигнув тридцатилетнего возраста.

Остановимся на этом царствовании, которое по сравнению с последовавшими за ним драмами и потрясениями кажется затишьем перед бурей. Тусклое царствование, подумает тот, кто, рассеянно перелистывая историю, не замечает крови, остающейся на пальцах. А на самом деле… Посмотрим же, какова бывает жизнь великого властителя, против которого ополчается сама судьба.

Ибо Филипп V Длинный был великим монархом. Пуская в ход силу и коварство, законы и преступления, он еще молодым захватил трон, бывший предметом многих честолюбивых вожделений. Вспомним запертый в соборе конклав, взятый приступом королевский дворец, навязанный Франции закон о престолонаследовании, подавленный после десятидневного похода мятеж в провинции, брошенного в темницу знатного сеньора, убитого в колыбели младенца-короля (по крайней мере, так считали) – вот этапы его стремительного шествия к власти.

Январским утром 1317 года, выйдя под звон колоколов из Реймского собора, второй сын Железного Короля мог считать себя победителем, призванным возродить великие политические замыслы отца, которыми восхищался сын. Вся семья вынуждена была склониться перед Филиппом. Бароны были усмирены, парламент находился под его влиянием, и зажиточные горожане восторженно приветствовали его, радуясь тому, что вновь обрели сильного государя; с его супруги Жанны было смыто пятно позора Нельской башни; после рождения сына появился продолжатель рода; наконец, коронация облекала его незыблемым величием. У Филиппа V было все для того, чтобы наслаждаться относительным счастьем королей, все, вплоть до мудрого стремления к миру, благо коего он так высоко ценил.

Спустя три недели умирает сын. Это был единственный его отпрыск мужского пола, и королева, ставшая к этому времени бесплодной, не смогла родить ему другого.

В начале лета на страну обрушился голод, усеявший города трудами.

Вскоре после этого над всей Францией пронесся вихрь безумия. Какой-то слепой, полумистический порыв, смутные мечты о святости и приключениях и вместе с том крайняя нищета, неистовая жажда уничтожения побудили внезапно деревенских юношей и девушек, пастухов, гуртоправов и свинопасов, мелких ремесленников, прях, преимущественно в возрасте от пятнадцати до двадцати лет, покинуть свои семьи и деревни и, босыми, без денег и еды, объединиться в бродячие банды. Предлогом для этого стихийного исхода послужила некая туманная идея крестового похода.

На самом же деле истоком этого безумия был Орден тамплиеров или, вернее, то, что от него осталось. Многие бывшие члены Ордена, прошедшие через тюрьмы, судилища, пытки, отступившиеся в страхе перед дыбой и зрелищем костров, на которых жгли их братьев, наполовину потеряли рассудок. Жажда мщения, еще свежая память об утраченном могуществе и обладание тайнами черной магии, почерпнутыми на Востоке, сделали их фанатиками, тем более грозными, что скрывались они под смиренным одеянием писцов или блузой поденщиков. Они вновь объединились в тайное общество и повиновались таинственно передававшимся приказам никому не известного Великого магистра, который заменил прежнего Великого магистра, сожженного на костре.

В одну из зим именно эти люди, внезапно превратившиеся в деревенских проповедников, подобно пресловутому крысолову рейнских легенд, увлекли за собой молодежь Франции. Если верить им – в поход на святую землю. Меж тем их истинною целью было разрушить королевство и уничтожить папство. И папа и король были равно бессильны перед этими рассыпавшимися по дорогам ордами одержимых, перед этими человеческими реками, в которые вливались все новые и новые ручьи, будто кто-то околдовал землю Франции, Нормандии, Бретани, Пуату.

Десять тысяч, двадцать тысяч, сто тысяч; пастухи все шли и шли к каким-то таинственным сборным пунктам. К их толпам присоединялись священники-расстриги, монахи-вероотступники, разбойники, воры, нищие и гулящие девки.

Перед этой разгульной и распутной лавиной молодых пастушков несли святой крест. Сотни тысяч путников в лохмотьях, входя в какой-нибудь город, чтобы попросить там милостыню, не задумываясь, пускали его на поток и разграбление.

И преступление, которое поначалу лишь сопровождает кражу, становится потребностью порочной натуры. Пастухи опустошали Францию в течение целого года, действуя даже с какой-то последовательностью, несмотря на беспорядок, царивший в их рядах, и не щадили ни храмов, ни монастырей. Париж с ужасом увидел, как эта армия грабителей заполонила его улицы. Король Филипп V из окна своего дворца призывал их к умиротворению. Они требовали от короля, чтобы он возглавил их поход. Взяв штурмом Шатле, они убили прево, разграбили аббатство Сен-Жермен-де-Пре. Затем новый приказ, столь же таинственный, как и тот, который собрал их, бросил их на дороги Юга. Парижане еще дрожали от страха, а пастухи уже запрудили Орлеан. Святая земля была далеко, и их неистовство испытали на себе города и провинции – Лимож, Бурж, Сэнт, а также Перигор, Бордо, Гасконь и Ажене.

Иоанн XXII, обеспокоенный приближением мятежной волны к Авиньону, пригрозил отлучить от церкви этих лжекрестоносцев. Но им нужны были жертвы, и они набросились на евреев. Тут жители городов, приветствуя кровавые погромы, стали брататься с пастухами. Были разгромлены гетто Лектура, Овилара, Кастельсаразэна, Альби, Оша, Тулузы; в одном месте сто пятнадцать трупов, в другом – сто двадцать два… Не было города в Лангедоке, где обошлось бы без погрома. Евреи Верден-сюр-Гаронн сначала бросали, словно метательные снаряды, своих собственных детей, а затем перерезали друг друга, чтобы не попасть в руки одержимых. Тогда папа своим епископам, а король своим сенешалям приказали защитить евреев, в торговле коих они были заинтересованы. Графу де Фуа, подоспевшему на помощь сенешалю Каркассона, пришлось вести настоящее сражение, во время которого тысячи пастухов, отброшенных в болота Эг-Морта, погибли под ударами мечей и копий, были засосаны трясиной или утонули. Земля Франции пила свою собственную кровь, пожирала свою собственную молодежь. Духовенство и сановники королевства объединились, преследуя тех, кто уцелел. Перед беглецами закрывали ворота городов, им отказывали в пище и ночлеге, их загоняли в глухие ущелья Севенн; пленников вешали на деревьях гроздьями по двадцать, тридцать человек. Мелкие банды продолжали бродить по стране еще около двух лет, проникали даже в Италию.

Франция, ее кровь и плоть, были поражены недугом. Едва положили конец неистовству пастухов, как началось безумие прокаженных.

Были ли виноваты эти несчастные с изъеденным болезнью телом, с лицами мертвецов и культяпками вместо рук, эти люди, заточенные в зараженных

лепрозориях, где они плодились и множились, откуда им разрешалось выходить лишь с трещоткой в руках, были ли они действительно повинны в заражении вод? Ибо летом 1321 года источники, ручьи, колодцы и водоемы во многих местах оказались отравленными. И народ Франции в этот год задыхался от жажды на берегах своих полноводных рек или же пил эту воду, с ужасом ожидая после каждого глотка неминуемой смерти. Не приложил ли тут свою руку все тот же Орден тамплиеров, не он ли изготовил странный яд, в состав которого входили человеческая кровь, моча, колдовские травы, головы ужей, толченые жабьи лапки, кощунственно проколотые просфоры и волосы развратниц, яд, которым, как уверяли, и были заражены воды? Или, быть может, тамплиеры толкнули на бунт этих проклятых богом людей, внушив им, как признали под пыткой некоторые прокаженные, желание погубить всех христиан или заразить их проказой?

Бедствие началось в Пуату, где в это время находился король Филипп V. Оно быстро охватило всю страну. Жители городов и деревень бросились на лепрозории, чтобы перебить больных, внезапно ставших врагами общества. Щадили только беременных женщин и матерей, да и то лишь до тех пор, пока они кормили своих младенцев. Затем и их предавали сожжению. Королевские судьи покрывали в своих приговорах эти массовые убийства, а знать даже выделяла для их свершения своих вооруженных людей. Затем снова принялись за евреев, которых обвиняли как соучастников какого-то чудовищного, но непонятного заговора, вдохновленного, как уверяли, мавританскими королями Гранады и Туниса. Казалось, Франция, принося эти неисчислимые человеческие жертвы, пыталась утишить свои тревоги, избавиться от страхов.

Ветер Аквитании был насыщен зловещей гарью костров. В Шиноне евреи всей округи были брошены в огромный, объятый пламенем ров; в Париже они были сожжены на том самом злосчастном острове, который носил их имя, напротив королевского дворца, как раз там, откуда Жак де Моле бросил свое роковое проклятие.

И король умер. Он умер от горячки и мучительной болезни, которой заразился в своем удельном владении Пуату и которая поразила его внутренности; он умер, выпив воды из французских рек, отравленной людьми французской земли.

Целых пять месяцев он угасал в ужасных страданиях, изнуренный, похожий на скелет.

Каждое утро он приказывал открывать двери своей опочивальни в аббатстве Лонгшан, куда велел перевезти себя, и разрешал всем прохожим подходить к своему ложу, и говорил им: «Смотрите, вот король Франции, ваш верховный суверен, самый несчастный человек во всем своем королевстве, ибо не найдется ни одного среди вас, с которым я не поменялся бы своей участью. Смотрите, дети мои, на своего государя и обращайтесь всем сердцем к богу, дабы уразумели вы, что все смертные лишь игрушки в его руках».

Его останки были погребены рядом с прахом предков в Сен-Дени на другой день после праздника богоявления, 7 января 1322 года, и никто, кроме жены, не оплакивал его.

А меж тем он был весьма мудрым правителем, заботившимся о государственном благе. Он объявил весь королевский домен, то есть собственно Францию, единым и неделимым; он унифицировал монеты, меры и весы, перестроил судебную систему с тем, чтобы правосудие отправлялось с большей справедливостью, запретил совмещать несколько государственных должностей, закрыл прелатам доступ в парламент, учредил особый надзор над финансами. Он предпринял также дальнейшие шаги по раскрепощению крестьян; ему хотелось полностью искоренить крепостничество в своем государстве, он желал править «подлинно свободными» людьми, такими, как их создала природа.

Он не поддался соблазну войны и упразднил многие гарнизоны внутри государства, усилив пограничные посты, при всех обстоятельствах предпочитал выторговывать мир, лишь бы избегать бессмысленных военных походов. Но он родился слишком рано, и народ еще не осознал, что за справедливость и мир стоит платить столь высокую цену, и не понял, почему король так настойчиво добивался поддержки народной. Люди спрашивали: «На что шли доходы, десятины и ежегодные сборы, кредиты ломбардцев и евреев, если количество подачек сократилось, ристалищ не устраивали, зданий не возводили? В какую же прорву все это ухнуло?»

Знатные бароны внешне смирились и нередко перед лицом крестьянских волнений волей-неволей сплачивались вокруг суверена, но терпеливо ждали своего часа, чтобы взять реванш. Удовлетворенным взором они наблюдали за агонией своего молодого короля, так им не полюбившегося.

Филипп V, опередивший свое время, был одинок и так и ушел непонятым.

После него остались лишь дочери; закон о престолонаследовании, который он издал себе на пользу, исключал женщин из числа претендентов на трон. Корона досталась его младшему брату Карлу де ла Маршу, не блещущему умом, зато блещущему красотой. Всемогущий граф Валуа, граф Робер Артуа, вся родня Капетингов и крамольные бароны вновь торжествовали. Наконец-то можно снова разглагольствовать о крестовом походе, вмешаться в интриги Империи, наживаться на курсе золота и с усмешкой наблюдать за трудностями, переживаемыми Английским королевством.

А в Англии легкомысленный и незадачливый король, находящийся в плену любовной страсти к своему фавориту, вел борьбу с баронами, епископами и тоже обагрял землю королевства кровью своих подданных.

Там в постоянном страхе за свою жизнь влачила долгие дни, дни униженной женщины и поруганной королевы, дочь французского короля и плела паутину заговора, желая спасти себя и отомстить своим недругам.

Казалось, Изабелла, дочь Железного Короля и сестра Карла IV Французского, принесла с собой на тот берег Ла-Манша проклятие тамплиеров…

Часть первая

От Темзы до Гаронны

Глава I

«Из Тауэра не бегут…»

Чудовищно огромный, размером чуть не с гуся ворон, черный и переливчатый, прыгал перед окошком. Иногда ворон останавливался, опустив крылья,

и прикрывал веком круглый глаз, будто сморенный дремотой. Потом вдруг вытягивал клюв, стараясь угодить в человеческий глаз, блестевший за решеткой окошка. Эти серые глаза, отливавшие кремнистым блеском, казалось, неудержимо притягивали птицу. Но узник был проворен и всякий раз успевал увернуться. Тогда ворон снова принимался расхаживать перед окошком, передвигаясь короткими тяжелыми прыжками.

Потом наступала очередь узника. Теперь уж он высовывал из окошка большую красивую руку с длинными сильными пальцами и потихоньку вытягивал ее вперед, затем рука замирала и, бессильно лежа в пыли, походила на обломанную ветвь, а на самом деле лишь ждала минуты, чтобы схватить ворона за шею.

Но несмотря на свою величину, птица тоже была подвижной – с хриплым карканьем она отскакивала в сторону.

– Берегись, Эдуард, берегись, – говорил человек за решеткой. – Рано или поздно я тебя все равно придушу.

Ибо он нарек зловещего ворона именем своего врага – короля Англии.

Вот уже полтора года продолжалась эта игра, полтора года ворон старался выклевать глаза узнику, полтора года узник пытался задушить черную птицу, полтора года Роджер Мортимер, восьмой барон Вигморский, знатный сеньор Уэльской марки и бывший наместник короля в Ирландии, находился вместе со своим дядей Роджером Мортимером лордом Чирком, бывшим наместником Уэльса, в заточении в одном из каменных мешков Тауэра. Обычай требовал, чтобы заключенных столь высокого ранга, принадлежащих к древнейшей знати королевства, содержали в более или менее пристойном помещении. Но король Эдуард II после победы, одержанной им в битве под Шрусбери над мятежными баронами, двух своих пленников Мортимеров приказал содержать в тесной темнице с нависшим потолком, куда свет проникал лишь в окошко, расположенное вровень с землей; само же узилище находилось в новом здании, недавно построенном по желанию Эдуарда справа от колокольни. Вынужденный под давлением двора, епископов и даже народа заменить пожизненным заключением смертную казнь, к которой по его приказанию приговорили Мортимеров, король надеялся, что эта губительная для человека дыра, этот погреб, где узник упирался макушкой в потолок, с успехом заменит палача.

И в самом деле, если тридцатишестилетний Роджер Мортимер Вигморский сумел выжить в этой темнице, то полтора года, проведенные в каменном мешке, куда через окошко вползал туман, где во время дождей по стенам струилась вода, а в жаркие месяцы стояла удушающая жара, сломили старого лорда Чирка. Старший Мортимер, облысевший, потерявший все зубы, с распухшими ногами и скрюченными ревматизмом пальцами, почти не покидал дубовой доски, служившей ему ложем, а племянник его с утра устраивался у окошка, устремив взор к свету.

Шло второе лето их заточения.

Вот уже два часа как взошло солнце над самой прославленной крепостью Англии[1 - Вот уже два часа, как взошло солнце над самой прославленной крепостью Англии… – Тауэр еще в XIV в. представлял собой восточную границу Лондона и даже был отделен от Сити, то есть собственно города, монастырскими садами. Современный мост Тауэр-бридж, разумеется, не существовал; единственный лондонский мост был тогда перекинут через Темзу выше Тауэра по течению.Если главное сооружение, Белый Тауэр, построенное около 1078 г. по приказу Вильгельма Завоевателя его архитектором монахом Гандульфом, предстает перед нами спустя девятьсот лет почти в своем первоначальном виде – реставрация Врена (Wren), несмотря на расширение оконных проемов, мало что изменила, – то общий вид всего укрепленного ансамбля во времена Эдуарда II изрядно отличался от нынешнего.Современный пояс укреплений еще не был построен, за исключением башни Святого Томаса и Средней башни, обязанных своим появлением соответственно Генриху III и Эдуарду I. То, что образует сегодня второй пояс, было тогда внешними стенами – этот пятиугольный ансамбль с двенадцатью башнями построил Ричард Львиное Сердце и постоянно переделывали его преемники.Можно наблюдать удивительную эволюцию средневекового стиля на протяжении одного века, сравнивая Белый Тауэр (конец XI в.), где, несмотря на огромность массы, в форме и пропорциях сохраняется воспоминание о древних галло-римских виллах, и окружающие укрепления Ричарда Львиное Сердце (конец XII в.) – вторая постройка уже имеет характеристики классического замка типа Шато-Гайара во Франции, возведенного самим Ричардом I, или более поздних анжуйских построек в Неаполе.Белый Тауэр остался единственным практически нетронутым монументом, свидетельствующим о стиле начала тысячелетия, потому что им постоянно пользовались на протяжении веков.], сердцем королевства и символом могущества ее владык, над Белым Тауэром – над огромной квадратной башней, кажущейся легкой, несмотря на свои гигантские размеры, и построенной еще Вильгельмом Завоевателем

на фундаменте старой римской крепости, – над сторожевыми башнями и зубчатыми стенами, возведенными Ричардом Львиное Сердце, над королевским дворцом, часовней святого Петра и Воротами Предателей. День обещал быть таким же жарким и душным, что и накануне, так как солнце успело раскалить камни, а из крепостных рвов, расположенных вдоль берега Темзы, поднимался тошнотворный запах тины.

Ворон по кличке Эдуард вспорхнул, стая гигантских птиц полетела к пользующейся печальной славой лужайке Грин, где в дни смертной казни устанавливали плаху; птицы клевали там траву, напоенную кровью шотландских патриотов, государственных преступников и впавших в немилость фаворитов.

Лужайку скребли скребком, подметали окружавшие ее мощеные дорожки, но вороны не боялись человека, так как никто не осмеливался тронуть этих птиц, которые поселились здесь с незапамятных времен и были окружены своего рода суеверным уважением.

Из кордегардии выходили солдаты, они на ходу затягивали пояса, зашнуровывали поножи, надевали железные шлемы, спеша на ежедневный смотр, ибо сегодня, первого августа, в день святого Петра в оковах, в честь которого была выстроена часовня, и в ежегодный праздник Тауэра, смотр происходил особенно торжественно.

Засовы низкой дверцы, ведущей в темницу Мортимеров, заскрежетали. Тюремщик открыл дверь, бросил взгляд внутрь и пропустил брадобрея. Брадобрей, длинноносый человечек с маленькими глазками и губами, сложенными сердечком, приходил раз в неделю брить Роджера Мортимера-младшего. В зимние месяцы эта операция превращалась в подлинную пытку для узника, ибо констебль[2 - Констебль. – Слово «констебль» (constable), искаженное «коннетабль» (connetable), которое обозначает в наши дни офицера полиции, было официальным титулом коменданта Тауэра. Констеблю помогал бывший у него в подчинении лейтенант. Эти две должности, впрочем, существуют и поныне, но стали чисто почетными – на них назначаются прославившие себя военные в конце карьеры. Действительные функции коменданта Тауэра в наши дни осуществляет майор*, который тоже является генералом. Как видим, в званиях тут полная противоположность тому, что наблюдается в армии.* Майор проживает в Тауэре, в Доме Короля – или Королевы, – постройке эпохи Тюдоров, примыкающей к Колокольной башне; первые королевские покои, которые датируются временем Генриха I, были

снесены при Кромвеле. Равным же образом в эпоху нашего рассказа – в 1323 г. – существовала лишь романская часть современной часовни Святого Петра.] Стивен Сигрейв, комендант Тауэра, заявил:

– Если лорд Мортимер желает ходить бритым, я буду посылать к нему цирюльника, но я отнюдь не обязан снабжать его горячей водой.

Лорд Мортимер держался стойко, во-первых, для того, чтобы показать коннетаблю свое презрение, во-вторых, потому, что заклятый его враг король Эдуард носил красивую светлую бородку; наконец, – и это было главное, – он делал это для себя самого, ибо знал, что стоит заключенному сдаться хотя бы в мелочи, и он неизбежно опустится физически. Перед глазами его был пример дяди, который перестал следить за собой; беспорядочно растущая, спутанная борода и растрепанные пряди волос придавали лорду Чирку вид старого отшельника; к тому же он беспрестанно жаловался на одолевавшие его многочисленные недуги.

– Только страдания моей несчастной плоти, – говорил он иногда, – напоминают мне, что я еще жив.

Итак, Роджер Мортимер младший принимал брадобрея Огля каждую неделю, даже тогда, когда приходилось пробивать лед в тазике, а щеки после бритья кровоточили. Однако он был вознагражден за все свои муки, так как через несколько месяцев по некоторым признакам понял, что Огль может служить ему для связи с внешним миром. Странный человек был этот брадобрей; корыстолюбивый и одновременно способный принести себя в жертву, он страдал от своего подчиненного положения, считая, что заслуживает лучшей участи; интрига давала ему возможность взять тайный реванш, ибо, проникая в тайны знатных людей, он как бы вырастал в собственных глазах. Барон Вигмор был, несомненно, самым благородным как по происхождению, так и по характеру человеком, с каким ему когда-либо приходилось иметь дело. Кроме того, узник, упорно продолжавший бриться даже в морозные дни, невольно вызывает восхищение!

С помощью брадобрея Мортимеру удавалось поддерживать хоть и не часто, но регулярно связь со своими сторонниками, и в первую очередь с Адамом Орлетоном, епископом Герифордским; наконец, через брадобрея он узнал, что можно попытаться привлечь на свою сторону помощника коменданта Тауэра Джерарда Элспея; все через того же брадобрея Мортимер разрабатывал план

побега. Епископ заверил его, что он будет освобожден летом. И вот лето наступило…

Время от времени тюремщик, движимый лишь профессиональной привычкой, а не чрезмерной подозрительностью, бросал через глазок в двери взгляд в темницу.

Роджер Мортимер, склонившись над деревянной лоханью – увидит ли он когда-нибудь вновь таз из тонкого чеканного серебра, которым пользовался раньше? – слушал ничего не значащую болтовню брадобрея, с умыслом повысившего голос, чтобы обмануть бдительность тюремщика. Солнце, лето, жара… По-прежнему стоит хорошая погода, и – что самое замечательное – даже в праздник святого Петра…

Наклонившись еще ниже над Мортимером, Огл шепнул ему на ухо:

– Be ready for to-night, my lord[1 - Будьте готовы сегодня вечером, милорд (англ.).].

Роджер Мортимер даже не вздрогнул. Только поднял глаза серо-кремневого оттенка под густыми бровями и взглянул в маленькие черные глазки брадобрея, который движением век подтвердил сказанное.

– Элспей?.. – прошептал Мортимер.

– He'll go with us[2 - Он отправится вместе с нами (англ.).] – ответил брадобрей, принимаясь за другую щеку барона.

– The bishop?[3 - А епископ? (англ.)] – спросил еще узник.

– He'll wait for you outside, after dark[4 - Он будет ждать вас снаружи, как только стемнеет (англ.).], – проронил брадобрей и тотчас же вновь громко заговорил о погоде, о готовящемся смотре и игрищах, которые состоятся после полудня…

Наконец бритье было окончено, Роджер Мортимер ополоснул лицо и вытерся холстиной, даже не ощутив ее грубого прикосновения к коже.

Когда брадобрей Огл удалился в сопровождении тюремщика, узник обеими руками сжал себе грудь и глубоко вздохнул. Он едва сдержал себя, чтобы не закричать: «Будьте готовы сегодня вечером!» Слова брадобрея гудели у него в голове. Неужели сегодня вечером это наконец свершится?

Он подошел к нарам, где дремал его товарищ по узилищу.

– Дядя, – проговорил он, – побег состоится сегодня вечером.

Старый лорд Чирк со стоном повернулся, поднял на племянника выцветшие глаза, отливавшие в полумраке темницы зеленью, как морская вода, и устало ответил:

– Из Тауэра не бегут, мой мальчик… Ни сегодня вечером, никогда и никто.

Лицо Мортимера младшего омрачила тень досады. К чему это упрямое отрицание, это нежелание рисковать человеку, которому осталось так мало жить, который даже в худшем случае рискует всего лишь годом? Усилием воли он заставил себя промолчать, боясь вспылить. Хотя они говорили между собой по-французски, как весь двор и вся знать нормандского происхождения, а слуги, солдаты и простолюдины говорили по-английски, они боялись, что их могут услышать.

Мортимер вернулся к окошку и стал смотреть снизу вверх на лужайку, где выстроились солдаты, он испытывал волнение при мысли, что, быть может, видит смотр в последний раз.

На уровне его глаз мелькали солдатские поножи; тяжелые кожаные башмаки топали по земле. Роджер Мортимер не мог удержаться от восхищения, глядя на упражнения, четко выполняемые лучниками, прославленными на всю Европу английскими лучниками, которые успевали выпустить дюжину стрел в минуту.

Стоя посредине лужайки, помощник коменданта Элспей, застыв неподвижно, как каменное изваяние, громким голосом выкрикивал слова команды, представляя гарнизон коннетаблю. Трудно было поверить, что этот высокий молодой человек, светловолосый и розовощекий, столь ревностный служака, обуреваемый желанием отличиться, мог пойти на измену. Должно быть, его толкали на этот шаг иные соображения, нежели одна лишь денежная

приманка. Джерард Элспей, помощник коменданта Тауэра, так же как многие офицеры, шерифы, епископы и дворяне, жаждал видеть Англию освобожденной от негодных министров, окружавших короля; как и свойственно молодости, он мечтал играть выдающуюся роль; наконец, он страстно ненавидел и презирал своего начальника, коннетабля Сигрейва.

А коннетабль, кривоглазый, с дряблым лицом выпивохи, человек нерадивый, попал на эту высокую должность исключительно благодаря протекции как раз тех самых никудышных министров. Следуя нравам, которые король Эдуард не только ни от кого не скрывал, но словно с умыслом выставлял напоказ, коннетабль превратил гарнизон в свой гарем. Особенно по душе ему были молодые рослые блондины, и поэтому жизнь Элспея, юноши весьма благочестивого и далекого от порока, превратилась в подлинный ад. Именно потому, что Элспей отверг нежности коннетабля, он стал объектом постоянных притеснений. Желая отомстить непокорному, Сигрейв не скупился на оскорбления и придирки. А так как кривоглазый коннетабль по лености не занимался службой, ему с избытком хватало времени, чтобы проявлять свою жестокость. Вот и сейчас, проводя смотр, он осыпал своего помощника грубыми насмешками, придираясь к любому пустяку – то к ошибке в построении, то к пятнышку ржавчины на клинке ножа, то к еле заметной дырочке в кожаном колчане. Его единственный глаз выискивал только недостатки.

Хотя был праздник – день, когда обычно наказания не применяются, коннетабль велел высечь на месте троих лучников за то, что небрежно относились к своему снаряжению. Эти трое были как раз самыми примерными солдатами. Сержант принес лозу. Наказываемым велели спустить штаны перед шеренгой своих товарищей. Это зрелище, казалось, весьма забавляло коннетабля.

– Если стража не подтянется, – сказал он, – в следующий раз, Элспей, наступит ваш черед.

Затем весь гарнизон, за исключением часовых у ворот и на крепостной стене, промаршировал в часовню слушать мессу и петь церковные гимны.

До узника, стоявшего у окошка, доносились грубые, фальшивые голоса. «Будьте готовы сегодня вечером, милорд…» Бывший королевский наместник в Ирландии упорно думал о том, что вечером он, возможно, обретет свободу. Еще целый день ожидания, надежд, целый день опасений… Опасений, что Огл совершит какую-нибудь оплошность при выполнении задуманного плана, опасений, как бы

в последнюю минуту в душе Элспея не возобладало чувство долга… Целый день перебирать в уме все возможные препятствия, все случайности, из-за которых может сорваться побег.

«Лучше не думать об этом, – твердил он про себя, – лучше верить, что все окончится благополучно. Все равно всегда случается то, чего не предусмотришь заранее. Но побеждает тот, у кого крепче воля». И тем не менее Мортимер не мог отвлечься от своих тревожных мыслей: «На стенах все-таки останется стража…»

Вдруг он резко отпрянул назад. Незаметно прокравшись вдоль стены, ворон на сей раз чуть не клюнул узника в глаз.

– Ну, Эдуард, это уж слишком, – процедил Мортимер сквозь зубы. – И если мне суждено придушить тебя, то я сделаю это сегодня.

Солдаты гарнизона покинули церковь и вошли в трапезную для праздничной пирушки.

В дверях темницы вновь появился тюремщик в сопровождении стражника, разносящего заключенным пищу. Ради праздника к бобовой похлебке, в виде исключения, добавили кусочек баранины.

– Постарайтесь встать, дядя, – сказал Мортимер.

– Нас, словно отлученных от церкви, лишают даже мессы, – проговорил старый лорд.

Он и на этот раз не поднялся с нар. Впрочем, он едва притронулся к своей порции.

– Возьми мою долю, тебе она нужней, чем мне, – сказал он племяннику.

Тюремщик ушел. До вечера никто больше не посещал заключенных.

– Итак, дядя, вы и в самом дело не хотите бежать со мной? – спросил Мортимер.

– Куда бежать, мой мальчик? Из Тауэра не бегут. Никогда еще никому не удавался побег отсюда. Кроме того, против своего короля не бунтуют. Конечно, Англия имела лучших монархов, чем Эдуард, и оба его Диспенсера с большим правом могли бы занять наши места в темнице. Но короля не выбирают, королю служат. Зачем я послушался вас – тебя и Томаса Ланкастера, когда вы взялись за оружие? Ибо с Томаса сняли голову, а мы угодили в эту дыру…

В этот час, после нескольких ложек похлебки, дяде обычно приходила охота поговорить, и он, стеная и охая, заводил все те же монотонные речи, поверяя то, что племянник сотни раз слышал за эти полтора года. В шестьдесят семь лет Мортимер старший уже ничем не напоминал того красавца, знатного вельможу, каким он был раньше, когда блистал на знаменитых турнирах, которые устраивались в замке Кенилворт и о которых все еще вспоминали целых три поколения. Тщетно племянник старался высечь хотя бы искру былого огня в душе этого изнуренного старца, на лоб которого уныло свисали седые пряди волос, лицо его с трудом можно было различить в полумраке темницы.

– Боюсь, что меня подведут ноги, – добавил он.

– Почему бы вам не поупражняться немного! Расстанетесь хоть на время с вашим одром. А потом я понесу вас на себе, я уже говорил вам об этом.

– Этого не хватало! Ты будешь перелезать со мной через стены, полезешь со мной в воду, а плавать я не умею. Ты прямым путем принесешь мою голову на плаху, а вместе с ней и свою. Сам бог, возможно, готовит наше освобождение, а ты, упрямец, все загубишь своим сумасбродством. Да, бунт в крови у Мортимеров. Вспомни первого Роджера, сына епископа и дочери датского короля Герфаста. Под стенами своего замка в Мортимер-ан-Брей он перебил целую армию короля Франции[3 - …он перебил целую армию короля Франции. – В 1054 г., против короля Генриха I Французского. Роджер I Мортимер, внук Херфаста Датского, был племянником Ричарда I Бесстрашного, третьего герцога Нормандского, деда Вильгельма Незаконнорожденного, то есть Вильгельма Завоевателя.]. И, однако, он так сильно оскорбил нашего кузена Завоевателя, что у него отобрали все земли и все добро…

Роджер младший, сидевший на табурете, скрестил на груди руки, закрыл глаза и, откинувшись назад, оперся о стену. Приходилось терпеть ежедневную порцию воспоминаний о предках, в сотый раз смиренно слушать о том, как Ральф

Бородатый, сын первого Роджера, высадился в Англии вместе с герцогом Вильгельмом, и как он получил в ленное владение Вигмор, и каким образом Мортимеры распространили свое могущество на четыре графства.

Из трапезной доносились застольные песни, которые горланили подвыпившие солдаты.

– Ради бога, дядя, – воскликнул Мортимер, – забудьте хоть на минуту наших предков. В отличие от вас я отнюдь не спешу встретиться с ними. Да, я знаю, что мы потомки короля. Но в тюрьме королевская кровь ничем не отличается от крови простого смертного. Разве меч Герфаста в силах освободить нас отсюда? Где теперь наши земли и на что нам в этой темнице наши доходы? И когда вы упорно перечисляете мне наших прапрабабушек: Эдвигу, Мелисинду, Матильду ла Мескин, Уолшелину де Феррер, Гладузу де Броз, неужели до конца дней я должен думать только о них, а не о какой-нибудь другой женщине?

Старик молчал, рассеянно рассматривая свою распухшую руку с непомерно длинными, поломанными ногтями. Потом он проговорил:

– Каждый заселяет свою темницу тем, чем может: старики – безвозвратно ушедшим прошлым, молодые – будущим, которого им не суждено увидеть. Ты, например, утешаешься тем, что вся Англия тебя любит и трудится ради твоего спасения, что епископ Орлетон – твой верный друг, что сама королева способствует твоему побегу и что ты через несколько часов отправишься во Францию, в Аквитанию, в Прованс или еще куда-нибудь. И что повсюду тебя будет встречать приветственный звон колоколов. Но ты увидишь, что нынче вечером никто не придет.

Усталым жестом он провел пальцами по векам и отвернулся к стене.

Мортимер младший снова подошел к окошку, просунул руку между прутьями; она лежала в пыли, словно неживая.

«Теперь до вечера дядя будет дремать, – думал он, – а потом, в последнюю минуту решится. С ним и впрямь будет нелегко; как бы из-за него не провалилась вся затея. Ага, вот и Эдуард».

Птица остановилась недалеко от неподвижно лежавшей руки и принялась чистить лапой свой большой черный клюв.

«Если я его задушу, побег удастся. Если нет – мне не убежать».

Это была уже не игра, Мортимер как бы заключил пари с самой судьбой. Чтобы хоть как-то заполнить часы ожидания и отвлечься от тревожных мыслей, узник изобретал всевозможные приметы. И теперь пристальным взглядом охотника следил он за огромным вороном. Но ворон, словно разгадав опасность, отошел подальше.

Солдаты выходили из трапезной с сияющими лицами. Они разбились на группки во дворе, и начались игрища с состязаниями в беге и борьбе, которые по традиции устраивались в этот праздник. В течение двух часов, сняв рубахи, солдаты потели под солнцем, мерились силой, стремясь прижать противника к земле, или демонстрировали ловкость, норовя попасть булавой в деревянный кол.

В темницу доносился крик коннетабля:

– Награда короля! А ну-ка, кому она достанется? Один шиллинг![4 - Один шиллинг! – Шиллинг в ту эпоху был денежной единицей, но не монетой в собственном смысле слова. То же самое с фунтом и маркой. Самой крупной из ходивших тогда монет был пенни. Надо ждать царствования Эдуарда III, чтобы увидеть появление золотых монет – флоринов и ноблей. Серебряный шиллинг начнут чеканить только в XVI в.]

Затем, когда уже начало смеркаться, солдаты отправились к водоему помыться, после чего, обсуждая свои подвиги и поражения, вновь вернулись в трапезную, где продолжалась пирушка, еще более шумная, чем утром. На того, кто не был пьян к вечеру в праздник святого Петра в оковах, презрительно косились товарищи. Узник слышал, как там, внизу, стражники набросились на вино. Двор постепенно окутывали сумерки, голубоватые сумерки летнего вечера, и снова из крепостных рвов потянуло запахом тины.

Внезапно неистовое, хриплое карканье, протяжный звериный крик, от которого человеку становится не по себе, раздался около окошка.

– Что случилось? – спросил старый лорд из глубины камеры.

– Я его упустил, – сказал племянник. – Ухватил не за шею, а за крыло.

В руках у Мортимера осталось несколько черных перьев, которые он грустно рассматривал в слабых отсветах сумерек. Ворон исчез и на сей раз больше не вернется.

«Глупость, ребячество придавать этому значение, – думал Мортимер младший. – Ничего, заветный час близок». Но он не в силах был прогнать дурные предчувствия.

От мрачных мыслей его отвлекла необычная тишина, вдруг воцарившаяся в Тауэре. Из трапезной не доносилось больше ни звука; пьяные голоса стихли; прекратился стук подносов и кувшинов. Был слышен лишь лай собаки в саду да далекий крик лодочника на Темзе… Уж не обнаружено ли предательство Элспея и не потому ли все замолкло в крепости, что вслед за раскрытием великих заговоров обычно наступает оцепенение?

Прижавшись лбом к прутьям решетки, узник, затаив дыхание, пристально всматривался в темноту, ловил каждый звук. Какой-то лучник, шатаясь, пересек двор, уперся в стену в приступе неудержимой рвоты, потом свалился на землю и застыл. Мортимер разглядел неподвижную фигуру, лежавшую в траве. На небе появились первые звезды. Ночь обещала быть светлой.

Еще два солдата, держась за живот, вышли из трапезной и рухнули на землю у дерева. Это было какое-то необычное опьянение, оно словно ударом дубинки намертво оглушало человека.

Роджер Мортимер шагнул в глубь камеры; на привычном месте, в углу, он нашел свои сапоги и обулся; он сильно исхудал за это время и натянул их без труда.

– Что ты делаешь, Роджер? – спросил Мортимер старший.

– Готовлюсь, дядя, час близок. Кажется, наш друг Элспей поработал на славу, можно без преувеличения сказать, что весь Тауэр просто вымер.

– Нам и в самом деле не принесли ужина, – заметил старый лорд, и в голосе его прозвучало беспокойство.

Роджер Мортимер заправил рубашку в панталоны и затянул поясом свой походный камзол. Его одежда износилась и измялась, так как все эти полтора года ему отказывались выдать новую и он носил тот самый костюм, в котором сражался, когда его захватили в плен и сняли с него смятые доспехи; нижняя губа у него была рассечена подбородником.

– Если тебе удастся бежать, их месть падет на меня, – добавил дядя.

В том упорстве, с каким старик всячески старался отговорить племянника от побега, таилась немалая доля эгоизма.

– Слышите, дядя, к нам идут, – сказал Мортимер младший ясным и властным голосом. – Вставайте.

В мощенном каменными плитами коридоре гулко отдавались шаги, кто-то спешил к их двери. Чей-то голос позвал:

– Милорд!

– Это ты, Элспей? – спросил Мортимер младший.

– Да, милорд, но у меня нет ключа. Ваш тюремщик напился и куда-то задевал всю связку; а сейчас он в таком состоянии, что добиться от него толку невозможно. Я все обшарил.

С нар, где лежал дядя, послышался ехидный смешок.

От досады Мортимер младший выругался. Может быть, Элспей просто струсил в последнюю минуту? Но тогда зачем он пришел? Или это была нелепая случайность, та самая случайность, которую узник старался предугадать в течение целого дня и которой суждено было принять вот эту смехотворно нелепую форму?

– Все готово, милорд, уверяю вас, – продолжал Элспей. – Полученный от епископа порошок, который подмешали к вину, оказал превосходное действие. Они уже были совсем пьяны и ничего не заметили. А теперь все лежат, как трупы. Веревки готовы, лодка ждет вас. Но нет ключа.

– Сколько у вас времени?

– Часовые спохватятся не раньше чем через полчаса. Они тоже приняли участие в пирушке, прежде чем заступить в караул.

– Кто с тобой?

– Огл.

– Пошли его за молотком, клином и ломом и отвалите камень.

– Я пойду с ним и тотчас же вернусь.

Они удалились. Роджер Мортимер отсчитывал время по ударам своего сердца. Подумать только, какой-то затерявшийся ключ! А теперь достаточно, чтобы часовой по самому пустяковому предлогу покинул свой пост, и все пропало… Даже старый лорд хранил молчание, и из дальнего угла доносились лишь его тяжелые вздохи.

Вскоре в щелку под дверью проник луч света. Элспей возвратился с брадобреем, который нес свечу и инструменты. Они обрушились на камень в стене, в который на глубине двух футов был вделан засов. Несмотря на их старания заглушить шум ударов, им казалось, что гул разносится по всему Тауэру. Осколки камня сыпались на пол. Наконец кладка поддалась и дверь открылась.

– Быстрее, милорд, – проговорил Элспей.

Его раскрасневшееся лицо, освещенное свечой, было покрыто потом, руки дрожали.

Роджер Мортимер подошел к дяде и склонился над ним.

– Нет, иди один, мой мальчик, – сказал старик, – ты должен бежать. Да хранит тебя бог. И не сердись на меня за то, что я стар.

Взяв племянника за рукав, Мортимер старший привлек его к себе и большим пальцем начертил на его лбу крест.

– Отомсти за нас, Роджер, – добавил он шепотом.

Пригнувшись, Роджер Мортимер вышел из темницы.

– Как пойдем? – спросил он.

– Через кухню, – ответил Элспей.

Помощник коменданта, брадобрей и узник поднялись на несколько ступенек, прошли по коридору, пересекли множество темных комнат.

– Ты вооружен, Элспей? – внезапно прошептал Мортимер.

– У меня есть кинжал.

– Там впереди кто-то стоит!

На фоне стены смутно виднелась чья-то тень, которую Мортимер заметил первым. Брадобрей прикрыл ладонью слабое пламя свечи; Элспей вытащил кинжал; все трое замедлили шаг.

Человек, скрытый полумраком, не шевелился. Распластав крестом руки и раздвинув ноги, он, казалось, лишь с трудом удерживал равновесие.

– Это Сигрейв, – шепнул Элспей.

Кривой коннетабль, поняв, что его и всю стражу опоили зельем, кое-как добрался сюда и теперь боролся с непреодолимым оцепенением. Он видел, как убегал его узник; видел, что помощник предал его, но не мог издать ни единого звука; тело отказывалось ему повиноваться, и в единственном глазу

под упорно не желавшим подыматься веком читался предсмертный ужас. Элспей с размаху ударил его кулаком по лицу; голова Сигрейва стукнулась о камень стены, и коннетабль рухнул на пол.

Трое мужчин прошли мимо двери огромной трапезной, где чадили факелы; там находился весь гарнизон, спавший глубоким сном. Навалившись на столы, раскинувшись на скамьях, растянувшись прямо на полу, храпели лучники, раскрыв рты и застыв в нелепых позах, – казалось, некий волшебник погрузил их в вековой сон. То же зрелище открылось им в кухне, освещенной слабым светом дотлевавших под огромными котлами углей, в кухне, где стоял тяжелый запах горелого сала. Маркитанты также приложились к аквитанскому вину, к которому брадобрей Огл подмешал зелье, и теперь валялись пузом кверху, широко раскинув руки, кто под кухонным столом, кто около ящика для хлеба, кто между кувшинами. Казалось, тут было лишь одно живое существо – кот; обожравшийся сырого мяса, бродил он по столам, осторожно переставляя лапки.

– Сюда, милорд, – сказал помощник коменданта, указывая узнику на чулан, служивший отхожим местом, куда обычно сливали помои.

В этом чулане было пробито слуховое окошко, через которое мог пролезть человек, – единственное отверстие на этой стороне крепости.[5 - …на этой стороне крепости. – Очень вероятно, в башне Бичем (Beauchamp), которая, правда, еще не носила это название. Она стала так называться лишь с 1397 г., из-за заточенного в ней Томаса Бичема, графа Уорвика, который был – любопытное совпадение – внуком Роджера Мортимера. Башня, построенная при Эдуарде II, во времена Мортимера была совсем недавним сооружением.Окошки отхожих мест были слабым звеном укрепленных построек. Именно через отверстие подобного рода солдаты Филиппа Августа смогли после долгой осады, грозившей оказаться напрасной, проникнуть ночью в Шато-Гайар – большую французскую крепость Ричарда Львиное Сердце.]

Огл принес веревочную лестницу, которую он припрятал в сундуке, и пододвинул табуретку. Лестницу привязали к оконной раме; Элспей полез первым, за ним Роджер Мортимер и, наконец, брадобрей. Вскоре все трое, уцепившись за лестницу, заскользили вдоль стены в тридцати футах от тускло поблескивавшей в крепостном рву воды. Луна еще не взошла.

«Дядя и в самом деле не смог бы бежать с нами», – подумал Мортимер.

Вдруг рядом с ним зашевелилось что-то черное и послышался шорох перьев. Это был устроившийся на ночь в бойнице огромный ворон, сон которого потревожили беглецы. Мортимер машинально протянул руку и, пошарив в теплых перьях, нащупал птичью шею. Ворон издал протяжный страдальческий крик, похожий на крик человека; беглец изо всех сил сжал кисть и, повернув руку, почувствовал наконец, как под его пальцами хрустнули позвонки.

Дохлая птица с громким всплеском упала в воду.

– Who goes there?[5 - Кто идет? (англ.)] – тотчас же крикнул часовой. И из-за зубца стены на верхушке колокольни свесилась голова в шлеме.

Трое беглецов, вцепившись в веревочную лестницу, прижались к стене.

«Зачем я это сделал? – подумал Мортимер. – Зачем поддался глупому искушению? Побег и без того связан с риском, и незачем создавать дополнительные трудности. К тому же я не знаю даже, был ли это Эдуард…» Между тем часовой, убедившись, что все спокойно, возобновил обход, и шум его шагов затих в ночи.

Спуск возобновился. В это время года воды во рву было мало. Трое мужчин погрузились в нее по плечи и пошли вдоль основания крепости, опираясь рукой о камни стены. Они обогнули колокольню и пересекли ров, стараясь не шуметь. Откос рва был покрыт скользким илом. Помогая друг другу, беглецы ползком взобрались наверх, затем, пригнувшись, добежали до берега реки. Там, спрятанная в камышах, их ждала лодка. На веслах сидело двое гребцов; какой-то человек, закутанный в широкий темный плащ и в темном капюшоне, сидел на корме; он тихо свистнул три раза. Беглецы прыгнули в лодку.

– Милорд Мортимер, – сказал человек в плаще, протягивая руки.

– Милорд епископ, – ответил беглец, тем же жестом протянув свои руки.

Его пальцы нащупали кабошон перстня, и он прикоснулся к нему губами.

– Go ahead quickly![6 - Вперед, быстро! (англ.)] – скомандовал прелат гребцам.

И весла вспенили воду.

Адам Орлетон, лорд-епископ Герифордский, назначенный на эту должность папой против воли короля и возглавлявший оппозицию духовенства, способствовал побегу самого знатного сеньора королевства. Все было сделано и подготовлено Орлетоном, это он склонил на свою сторону Элспея, уверив его, что в награду за помощь тот получит целое состояние и место в раю, это он снабдил его зельем, которое погрузило Тауэр в сонное оцепенение.

– Все прошло удачно, Элспей? – спросил он.

– Как нельзя лучше, милорд, – ответил помощник коменданта. – Сколько времени они еще проспят?

– Не меньше двух дней… Здесь у меня то, что обещано каждому, – сказал епископ, распахивая плащ и показывая тяжелый кошель. – И для вас, милорд, у меня тоже имеется сумма, которой вам хватит по крайней мере на несколько недель.

В эту минуту до них донесся крик часового:

– Sound the alarm![7 - Тревога! (англ.)]

Но лодку уже подхватило течение, а самые отчаянные крики часовых не в силах были разбудить Тауэр.

– Я обязан вам всем и прежде всего жизнью, – обратился Мортимер к епископу.

– Доберитесь до Франции, – ответил епископ, – только тогда вы сможете меня благодарить. На другом берегу, в Бермондсее, нас ждут лошади. В Дувре мы зафрахтовали корабль. Он уже готов к отплытию.

– Вы отправитесь вместе со мной?

– Нет, милорд, у меня нет никаких причин для бегства. Как только я посажу вас на корабль, я возвращусь в свою епархию.

– А вы не опасаетесь за свою судьбу после того, что произошло здесь?

– Я служитель церкви, – ответил епископ с легкой насмешкой в голосе. – Король ненавидит меня, но тронуть не осмелится.

Этот прелат, спокойно и уверенно разговаривавший на водах Темзы так, словно находился он у себя в епископском дворце, обладал незаурядным мужеством, и Мортимер искренне восхищался им.

Гребцы сидели в середине лодки; Элспей и брадобрей устроились на носу.

– А что королева? – спросил Мортимер. – Видели ли вы ее? Ее по-прежнему мучают?

– Сейчас королева в Йоркшире, где путешествует король. Кстати, это облегчило наше предприятие. Ваша супруга (епископ выделил голосом это слово), ваша супруга вчера передала мне оттуда последние новости.

Мортимер почувствовал, что краснеет, и возблагодарил темноту, скрывшую его смятение. Он побеспокоился о королеве раньше, чем о своих родных и о своей собственной жене. И почему, спрашивая о ней, он понизил голос? Не означало ли это, что все полтора года в заточении он думал лишь о королеве Изабелле?

– Королева желает вам всяческого добра, – продолжал епископ. – Это она вручила мне из своего ларца, – кстати, из полупустого ларца, который наши добрые друзья Диспенсеры великодушно соглашаются оставлять ей, – деньги, а я вручу их вам, чтобы вы могли жить во Франции. Все же остальное – то, что положено Элспею, брадобрею, плата за лошадей и ожидающий вас корабль, – все это оплатила моя епархия.

Он положил свою руку на руку беглеца.

– Да вы промокли! – воскликнул он.

– Пустяки! – проговорил Мортимер. – Воздух свободы быстро высушит меня.

Он поднялся, снял камзол и рубашку и стоял теперь в лодке с обнаженным торсом. У него было красивое, крепкое тело, мощные плечи и длинная мускулистая спина; в заточении он похудел, но тем не менее от него по-прежнему веяло силой. Только что взошедшая луна заливала его серебристым светом, обрисовывая мускулы на груди.

– Сообщница влюбленных, недруг беглецов, – сказал епископ, показывая на луну. – Мы удачно проскочили.

Роджер Мортимер чувствовал, как по его коже и мокрым волосам струился ночной ветерок, напоенный влагой и ароматом трав. Темза, плоская и черная, бежала вдоль лодки, а весла вздымали фонтаны сверкающих брызг. Приближался противоположный берег. Барон обернулся, чтобы взглянуть последний раз на Тауэр, высокий, непомерно огромный, вздымающийся над крепостными стенами, рвами и насыпями. «Из Тауэра не бегут…» Он был первым узником, которому удалось совершить побег из Тауэра; он понимал все значение своего поступка, понимал, что бросает вызов могуществу королей.

Позади, в ночи, вырисовывался уснувший город. Вдоль обоих берегов до большого Торгового моста, охраняемого высокими башнями, медленно покачивался лес мачт. Это стояли на якоре корабли Лондонской Ганзы, Тевтонской Ганзы, Парижской Ганзы морской торговли. Корабли со всей Европы, которые привозили полотна из Брюгге, медь, деготь, вар, кожи, вина из Сентонжи и Аквитании, сушеную рыбу, а вывозили во Фландрию, в Руан, в Бордо, в Лиссабон хлеб, кожи, олово, сыры и особенно шерсть, лучшую в мире шерсть английских овец. Среди кораблей своей формой и обильной позолотой выделялись большие венецианские галеры.

Но Роджер Мортимер Вигморский уже думал о Франции. Сначала он попросит убежища в Артуа, у своего кузена Жана де Фиенна, сына брата его матери… И он широко распростер руки жестом свободного человека.

А епископ Орлетон, сожалевший, что не родился ни красавцем, ни сеньором, не без зависти смотрел на это крупное, уверенное в движениях тело, точно напрягшееся перед прыжком, на этот высокий, словно литой торс, на этот гордый подбородок и жесткие вьющиеся волосы человека, который увозит с собой в изгнание судьбу Англии.

Глава II

Поруганная королева

Подушечка из красного бархата, на которую королева Изабелла ставила свои узкие ступни, была протерта до ниток основы; золотые кисточки на четырех ее углах потускнели; французские лилии и английские львы, вышитые на ткани, обтрепались. Но к чему менять подушку, к чему заказывать другую, если новая сразу же попадет под вышитые жемчугом туфли Хьюга Диспенсера – любимца короля! Королева смотрела на эту старую подушечку, знакомую с плитами всех замков королевства, – несколько месяцев в Дорсете, затем в Норфолке, прошлую зиму в Уорвике, а это лето в Йоркшире, всякий раз не более трех дней на одном месте. Менее недели назад, первого августа, двор находился в Коуике; вчера остановились в Эзерике; сегодня почти по-лагерному расположились в приорстве Киркхейм; а послезавтра, возможно, отправятся в Локтон или Пикеринг. Несколько пыльных драпировок, погнутую посуду, поношенные платья – весь багаж королевы Изабеллы – снова свалят в дорожные сундуки; кровать с пологом разберут, а потом ее вновь соберут в другом месте, да и сама кровать от частых перевозок, того гляди, развалится, и на эту кровать королева укладывала с собой то свою придворную даму Джейн Мортимер, то своего старшего сына, принца Эдуарда, ибо боялась, что ее убьют, если она останется одна. Не осмелятся же Диспенсеры заколоть ее на глазах наследного принца… И продолжалось путешествие по королевству, по зеленым его полям и грустным замкам.

Эдуарду II хотелось показать себя самым ничтожным своим вассалам; он воображал, что, останавливаясь у них, оказывает им честь и с помощью дружеских слов приобретет в их лице верных союзников против шотландцев и уэльской партии; но в действительности он выгадал бы куда больше, если бы не показывался на людях. В каждом его движении чувствовалась какая-то развинченность и вялость; та чрезмерная легкость, с какой он толковал о государственных делах и какая, по его мнению, являлась признаком истинно королевской безмятежности, оскорбляла сеньоров, аббатов и именитых горожан, приходивших поведать ему о местных нуждах; его подчеркнутая интимность со своим всемогущим камергером, чью руку он нежно поглаживал даже на заседаниях Совета и во время мессы, его резкий смех, щедроты, которыми он ни с того ни с сего осыпал какого-нибудь писца либо конюшего, подтверждали скандальные слухи, доходившие до самых отдаленных уголков графств,

где мужья, конечно, так же как и повсюду, изменяли своим женам, но изменяли с женщинами; и то, о чем до его приезда говорили лишь шепотом, после его отъезда говорили во весь голос. Достаточно было появиться этому светлобородому венценосному красавцу, столь слабому духом, и сразу же от королевского престижа и величия не оставалось и следа. А окружавшие Эдуарда II алчные куртизаны навлекали на него еще большую ненависть.

Всеми забытая Изабелла присутствовала при этом позоре, не в силах помешать падению королевскою престижа. Противоречивые чувства терзали ее; с одной стороны, Изабелла, истая дочь Капетингов, получившая от них в наследство царственный нрав, не могла без возмущения и муки видеть, как год за годом падает престиж королевской власти; но, с другой стороны, поруганная, оскорбленная, живущая в постоянном страхе супруга короля радовалась в глубине души каждому новому врагу короны. Она не понимала, как могла она раньше любить, или хотя бы делать вид, что любит, столь презренное существо, обращавшееся с ней как с последней служанкой. Зачем от нее требуют участия в этих поездках, зачем выставляют ее, поруганную королеву, напоказ всему королевству? Уж не считают ли король и его фаворит, что присутствие королевы обманет людей и придаст невинный характер их связи? Или, напротив, не хотят выпускать ее из-под своего наблюдения? С какой радостью она осталась бы в Лондоне, или Виндзоре, или даже в одном из тех замков, которые якобы были подарены ей и где она могла бы ждать счастливого поворота судьбы или хотя бы старости! И как жалела она о том, что Томас Ланкастер и Роджер Мортимер, эти могучие бароны, настоящие мужчины, не добились в прошлом году успеха во время поднятого ими мятежа…

Она устремила свои прекрасные голубые глаза на сира Бувилля, посланца французского двора, и негромко сказала:

– Уже целый месяц вы наблюдаете мою жизнь, мессир Юг. Я даже не прошу вас рассказывать о моих страданиях ни брату моему, ни дяде Карлу Валуа. Уже четыре короля сменилось на французском престоле: мой отец, король Филипп, который выдал меня замуж ради интересов короны…

– Упокой господь его душу, мадам, упокой ее господь! – произнес толстяк Бувилль убежденным тоном, но голоса не повысил. – Не было человека в мире, которого бы я любил сильнее и которому бы служил я с большей радостью.

– …затем брат мой Людовик, который царствовал всего лишь несколько месяцев; потом брат мой Филипп, с которым я не особенно была дружна, но который не был лишен благоразумия…

Бувилль нахмурился, как и всегда, когда при нем упоминали короля Филиппа Длинного.

– … наконец брат мой Карл, правящий в настоящее время, – продолжала королева. – Всем им было известно о моем положении, и они ничего не смогли или ничего не захотели сделать. Англия интересует королей Франции лишь тогда, когда речь идет об Аквитании и о той присяге верности, которую должны им принести за это ленное владение. Французская принцесса на английском троне, поскольку она тем самым становится герцогиней Аквитанской, является для них залогом мира. И когда в Гиэни спокойно, что им до того, если дочь или сестра гибнет за морем от стыда и одиночества. Говорить им об этом нет никакого смысла. Однако дни, которые вы провели здесь со мной, стали для меня праздником, ибо я могла беседовать с вами как с другом. А вы сами видели, как мало у меня друзей. Пожалуй, их у меня и вовсе нет, кроме дорогой моей леди Джейн, которая неизменно разделяет мои страдания.

При последних словах королева повернулась к своей придворной даме, сидевшей рядом, к Джейн Мортимер, внучатой племяннице знаменитого сенешаля Жуанвилля, рослой женщине лет тридцати семи, с правильными чертами открытого лица и крупными белыми руками.

– Мадам, – отозвалась леди Джейн, – вы делаете значительно больше, дабы поддержать во мне бодрость духа, чем я в этом отношении делаю для вас. И вы пошли на большой риск, оставив меня при себе, раз супруг мой брошен в узилище.

Трое собеседников продолжали разговаривать вполголоса, ибо шепот и намеки вошли в обычай при этом дворе, где королева была лишена возможности уединиться и жила, окруженная недоброжелателями.

Пока шла эта беседа, три горничные в углу комнаты вышивали одеяло для леди Алиеноры Диспенсер, жены фаворита, игравшей у открытого окна в шахматы с принцем-наследником. Немного поодаль второй сын королевы, которому три недели назад исполнилось семь лет, мастерил себе лук из орехового прута,

а две ее маленькие дочки, Изабелла и Алиенора, пяти и двух лет, сидя на полу, играли тряпичными куклами.

Передвигая шахматные фигуры, выточенные из слоновой кости, Алиенора Диспенсер не переставала следить за королевой и старалась уловить ее слова. С гладким, но на редкость узким лбом, с горящими, близко посаженными глазами и иронической складкой губ, эта женщина, не будучи по-настоящему некрасивой, носила на себе печать уродства души. Эта представительница семейства Клэр прославилась своей необычной карьерой: сначала свояченица бывшего фаворита короля, рыцаря де Гавестона, которого бароны, возглавляемые Томасом Ланкастером, казнили одиннадцать лет тому назад, теперь жена нынешнего королевского фаворита. Она находила какое-то болезненное наслаждение в том, что способствовала мужской любви, лишь бы удовлетворить таким путем свою жажду богатства и могущества. Помимо всего, она была глупа: готова была проиграть партию в шахматы лишь из-за одного удовольствия воскликнуть вызывающим тоном:

– Гарде королеве… Гарде королеве!

Наследный принц Эдуард, мальчик одиннадцати лет, с тонким и длинным лицом, скорее скрытный, чем застенчивый по характеру, с вечно потупленным взором, старался воспользоваться любой ошибкой партнерши и прилагал все усилия, чтобы выиграть.

Августовский ветерок заносил через узкое, с полукруглым сводом окно нагретую за день пыль; но как только солнце скрылось, сырая прохлада вновь воцарилась среди толстых мрачных стен старинного приорства Киркхейм.

Из большого зала, предназначенного для заседаний капитула, доносился шум голосов; там король собрал свой кочующий Совет.

– Мадам, – продолжал граф Бувилль, – я с готовностью посвятил бы вам все свои дни, если б мог хоть немного быть вам полезен. И сделал бы это с огромным удовольствием, поверьте мне. Теперь, когда я овдовел, а сыновья мои пристроены, мне не остается ничего иного в нашем грешном мире, как отдать последние свои силы на службу потомкам короля, моего усопшего благодетеля. И именно около вас, мадам, я был бы ближе всего к нему. Вы воплощаете в себе твердость его души, его манеру говорить, когда он снисходил до разговора,

и его красоту, против которой бессильно время. В сорок шесть лет его настигла смерть, а с виду ему можно было дать не более тридцати. И вы пошли в него. Трудно даже представить, что вы – мать четверых детей.

Лицо королевы озарилось улыбкой. Ей, окруженной ненавистниками, так отрадно было видеть такую верность и преданность; ей, женщине, чьи чувства были оскорблены и поруганы, было так сладостно слышать похвалу своей красоте, пусть даже исходила она из уст белого как лунь толстяка, смотревшего на нее глазами старого преданного пса.

– Мне уже тридцать один год, – проговорила она, – и пятнадцать из них я прожила так, как вы сами сейчас видите. Такая жизнь, быть может, не оставляет своих помет на лице; но зато вся моя душа изборождена морщинами… Я тоже, Бувилль, охотно оставила бы вас при себе, будь это возможно.

– Увы, мадам! Моя миссия, я сам это понимаю, подходит к концу, и без особого успеха. Король Эдуард уже дважды намекал мне на это; и поскольку он выдал ломбардца парламенту французского короля, он даже удивляется, что я еще здесь.

Французский двор послал к Эдуарду Юга де Бувилля под официальным предлогом требовать выдачи некоего Томазо Анри, представителя крупной флорентийской компании Скали; этот банкир, взяв в аренду несколько земельных владений, принадлежащих французской короне, получил с них значительный доход и, ни гроша не уплатив казначейству, бежал в Англию. Дело, безусловно, было серьезное, но его можно было без труда уладить путем переписки или направив в Англию судейских; и уж само собой разумеется, оно не требовало поездки бывшего первого камергера Филиппа Красивого, члена Малого совета. В действительности же Бувиллю было поручено начать другие, более сложные переговоры.

Его высочеству Карлу Валуа, дяде короля Франции и королевы Изабеллы, пришла в голову мысль выдать замуж в будущем году свою пятую дочь, Марию, за принца Эдуарда, наследника английского престола. Его высочество Валуа – кто в Европе не знал этого? – родил семь дочерей, устройство которых было предметом постоянных забот этого неугомонного, честолюбивого и расточительного сеньора, пользовавшегося даже собственным потомством ради всевозможных интриг. Семь его дочерей были от трех браков, ибо его высочество Карл имел несчастье в течение своей бурной жизни дважды остаться

вдовцом.

Надо было иметь недюжинную память и ясный рассудок, чтобы не запутаться в его потомстве и знать, кого именно имеют в виду, говоря о мадам Жанне Валуа, – графиню Геннегау или же графиню Бомон, другими словами, жену Робера Артуа. Ибо, как назло, две дочери носили одинаковые имена.
Что касается Катрин, наследницы призрачного Константинопольского престола, которая родилась от второго брака, то ей нашли мужа в лице Филиппа Тарантского, князя Ахейского, старшего брата первой жены ее родного батюшки. Настоящая головоломка!

Сейчас речь шла о старшей дочери от третьего брака, которую его высочество Карл решил предложить своему английскому внучатому племяннику.

Вначале его высочество Валуа направил в Англию графа Анри до Сюлли, Рауля Севэна де Жуй и Робера Бертрана, по прозванию Рыцарь Зеленого Льва.
Эти посланцы, стремясь завоевать расположение короля Эдуарда II, сопровождали его во время похода в Шотландию; но в битве при Блекморе англичане обратились в бегство и бросили французских гостей, которые угодили в руки врага. Пришлось вести переговоры об их освобождении, платить за них выкуп; когда наконец после всех этих малоприятных перипетий они оказались на свободе, Эдуард дал им уклончивый ответ, что, мол, нельзя так быстро решать вопрос о женитьбе его сына, что дело это слишком важное, чтобы решать его без ведома парламента, и что парламент соберется для обсуждения лишь в июне. Он хотел связать все это с присягой, которую следует принести королю Франции за герцогство Аквитанское… А когда парламент собрался, вопрос этот даже не поставили.[6 - А когда парламент собрался, вопрос этот даже не поставили. – Наименование «парламент», означающее, собственно, «собрание», прилагается и во Франции, и в Англии к учреждениям общего происхождения (поначалу это было расширением curia regis), но вскоре принявшим совершенно разные формы и полномочия.Французский парламент, сначала разъездной, потом закрепленный в Париже еще до того, как в провинции были учреждены второстепенные парламенты, являлся юридической ассамблеей, действующей по приказу и от имени государя. Члены парламента сначала назначались королем лишь на время юридической сессии, но начиная с конца XIII – начала XIV в., то есть с царствования Филиппа Красивого, стали пожизненными. Французскому парламенту довелось познать и крупные конфликты личных интересов, и процессы, сталкивающие частных лиц с короной, и важные для жизни государства уголовные дела, и споры из-за

толкования обычаев, всего вообще, что касалось законодательства королевства в целом, включая даже закон о наследовании трона (как это случилось в начале царствования Филиппа V). Но, повторяем, роль парламента и его полномочия были исключительно судебными и юридическими. Его политическая власть основывалась лишь на том, что ни один королевский ордонанс, эдикт, указ о помиловании и т. д. не были действительны без регистрации и утверждения этим самым парламентом; но по-настоящему пользоваться силой своего отказа он начал только в конце XIV – начале XV в., когда монархия оказалась ослабленной.Английский же парламент был собранием одновременно судебным, поскольку туда отзывались крупные государственные дела, и уже политическим. Никто не заседал там по праву; это всегда был лишь своего рода расширенный Большой совет, куда государь призывал кого хотел, то есть членов своего Малого совета, крупных вельмож королевства, как мирских, так и церковных, а также представителей графств и городов, выбранных в основном шерифами. Изначально политическая роль английского парламента должна была ограничиваться двойной информационной миссией: король осведомлял там представителей своего народа, избранных им самим, об общих решениях, которые намеревался принять; а эти представители в свою очередь осведомляли государя (либо посредством подачи прошений, либо изустно) о пожеланиях различных классов или административных областей, к которым принадлежали.В теории король Англии был единственным хозяином своего парламента, который оставался, в общем, лишь его привилегированной аудиторией, у которой он не требовал ничего иного, кроме как символического и пассивного одобрения своей политики. Но едва только короли Англии оказывались в серьезных затруднениях или же им случалось проявить себя слабыми либо дурными правителями, парламенты, которые они сами же и набрали, становились гораздо более требовательными, притязали на откровенно обсуждающую роль и диктовали государям свою волю. По крайней мере, тем уже приходилось считаться с высказанными мнениями.Члены парламентов всегда держали в голове прецедент Великой хартии вольностей, навязанной в 1215 г. Иоанну Безземельному его же баронами, которая, по сути, являлась упорядочиванием английских свобод. Второй прецедент был создан в 1311 г., когда Эдуарда II вынудили принять хартию, согласно которой подле короля учреждался совет распорядителей из крупных баронов, избранных парламентом, который действительно осуществлял власть от имени государя. Эдуард II всю жизнь боролся против его решений, сначала отвергая их, потом подчиняясь после своего поражения в 1314 г. от шотландцев. По-настоящему он избавился от них, на свою беду, только в 1322 г., когда борьба за влияние расколола распорядителей и он смог раздавить в битвах при Шрусбери и Боробридже партию Ланкастера –

Мортимера, поднявших против него оружие.Напомним, наконец, что английский парламент не был привязан к определенному месту и государь мог его созвать или потребовать созыва в любом городе королевства, где бы сам ни находился.]

Поэтому-то нетерпеливый Валуа под первым подвернувшимся предлогом направил в Англию графа Бувилля, в преданности которого семье Капетингов никто не сомневался и который хоть и не блистал умом, зато имел немалый опыт по части подобных поручений. Бувилль вел в прошлом по указаниям Валуа переговоры в Неаполе о втором браке Людовика X с Клеменцией Венгерской; он был хранителем чрева этой королевы после смерти Людовика Сварливого, но о том времени он не любил распространяться. Выполнял он также различные поручения в Авиньоне при папском дворе; крепко хранил в памяти все, что касалось семейных связей и бесконечно сложных переплетений разветвленной сети династических союзов. Верный Бувилль был сильно раздосадован, что на сей раз ему придется возвращаться не солоно хлебавши.

– Его высочество Валуа, – промолвил он, – будет очень разгневан, ведь он уже обратился к папе за особым разрешением на этот брак…

– Я сделала все что могла, Бувилль, – проговорила королева. – Таким образом, вы имели случай еще раз убедиться, как мало здесь со мной считаются… Впрочем, я сожалею меньше, чем вы: не пожелаю ни одной принцессе из нашей семьи познать здесь то, что выпало на мою долю.

– Не сомневаетесь ли вы в своем сыне, мадам? – спросил Бувилль, еще больше понижая голос. – Хотя он, хвала небу, кажется, пошел скорее в вас, чем в отца!.. Я помню вас в таком же возрасте в дворцовом саду в Ситэ или в Фонтенбло…

Он не успел договорить фразы. Дверь открылась, и на пороге показался король Англии. Откинув назад голову и нервно поглаживая светлую бородку, что свидетельствовало о дурном расположении духа, король большими шагами вошел в комнату. За ним следовали его обычные советники, а именно отец и сын Диспенсеры, канцлер Бальдок, граф Арундел и епископ Экзетер. Его сводные братья – граф Кент и граф Норфолк, оба молодые люди, в чьих жилах текла французская кровь, ибо их мать доводилась родной сестрой Филиппу Красивому, тоже состояли в королевской свите, но против их желания; равно как и Генри Лестер, человек с квадратными плечами и большими ясными глазами навыкате, по прозвищу Кривая Шея, так как затылок и плечи у него были искривлены, отчего голову ему приходилось держать набок, что доставляло множество

мучений оружейникам, изготовлявшим для него доспехи.

– Знаете ли вы новость, мадам? – воскликнул король Эдуард, обращаясь к королеве. – Она, несомненно, вас обрадует. Ваш Мортимер бежал из Тауэра.

Леди Диспенсер даже подскочила перед шахматной доской и издала негодующее восклицание, как если бы побег барона Вигморского был для нее личным оскорблением.

Королева Изабелла не шелохнулась, не покраснела, только веки ее красивых голубых глаз моргнули быстрее обычного, а рука украдкой нащупала в пышных складках платья руку леди Джейн Мортимер и сжала ее, как бы призывая сохранять спокойствие и достоинство. Толстяк Бувилль поднялся и отступил назад, чувствуя себя лишним в таких делах, которые касались лишь английской короны.

– Это не мой Мортимер, сир, – ответила королева. – Лорд Роджер, как мне кажется, в большей степени ваш подданный, чем мой, а за действия ваших баронов я не отвечаю. Вы бросили его в темницу, он постарался убежать – таков закон жизни.

– Ага! Значит, вы одобряете его поступок. Так дайте же волю своей радости, мадам! С тех пор как этот Мортимер соблаговолил появиться при моем дворе, вы перестали замечать всех, кроме него, вы все время превозносили его заслуги, и даже вероломство в отношении меня умудрялись истолковать благородными порывами души.

– Но разве не вы сами, сир, супруг мой, научили меня любить его еще в те времена, когда он вместо вас, подвергаясь смертельной опасности, завоевывал Ирландское королевство… удержать которое без него стоит вам, кстати, немалого труда? Неужто это можно назвать изменой?[7 - Неужто это можно назвать изменой? – В 1318 г., то есть пятью годами раньше, Роджер Мортимер из Уигмора, назначенный Верховным судьей и наместником английского короля в Ирландии, разбил, командуя войском баронов Марки, Эдуарда Брюса, короля Ирландии и брата короля Роберта Брюса Шотландского. Захват и казнь Эдуарда Брюса отметили конец ирландского королевства. Но английская власть там еще долго не могла установиться.]

Эта отповедь на мгновение обескуражила Эдуарда, но он тут же бросил на жену злобный взгляд и ответил только:

– Как раз теперь он бежит, ваш друг, бежит и, несомненно, в вашу страну!

Продолжая говорить, король шагал взад и вперед по комнате, чтобы дать выход своей бессильной ярости. Драгоценности, украшавшие его одежду, позвякивали при каждом шаге. И присутствующие, следя за его движениями, вертели головой то влево, то вправо, как при игре в лапту. Король, бесспорно, был очень красивый мужчина, мускулист, подвижен, ловок и притом атлетического сложения; его тело, закаленное физическими упражнениями и играми, стойко сопротивлялось подкрадывавшемуся ожирению, так как Эдуард близился уже к сорока годам. Но того, кто пригляделся бы к нему повнимательнее, поразило бы отсутствие морщин на лбу, будто государственные заботы не сумели наложить на это чело свой отпечаток, поразили бы мешки под глазами, невыразительно очерченные ноздри; линия подбородка под легкой вьющейся бородой не свидетельствовала ни об энергии, ни о властности, ни даже о настоящей чувственности, просто он был чересчур крупным и длинным. В маленьком подбородке королевы угадывалось гораздо больше воли, чем в этой яйцеобразной челюсти. Даже шелковистая бородка не могла скрыть душевной слабости короля. Вялой рукой он то беспричинно тер лицо, то размахивал в воздухе, то теребил нашитые на камзол жемчужины. Голос, который он считал властным, изменял ему, несмотря на все старания. Спина, хотя и широкая, производила неприятное впечатление, линия от шеи до поясницы казалась какой-то волнообразной, будто позвоночник гнулся под тяжестью торса. Эдуард никак не мог простить жене то, что она однажды посоветовала ему по возможности не показывать спину, если он желает внушать уважение своим баронам. Ноги Эдуарда, на редкость прямые и стройные, безусловно, были самым ценным даром, которым природа одарила этого человека, так мало подходившего для своей роли и получившего корону по прямому недосмотру судьбы.

– Разве мало и без того у меня хлопот, разве мало у меня волнений? – продолжал Эдуард. – Моим границам постоянно угрожают шотландцы; они беспрестанно вторгаются в мое королевство, а как только дело доходит до сражения, войска мои бегут. Да и как могу я победить, когда мои епископы без моего согласия договариваются между собой и ведут переговоры с врагом, когда среди моих вассалов столько предателей и когда мои бароны идут против меня походом, ссылаясь на то, что они шпагой отвоевали свои земли, хотя уже давно, двадцать

пять лет назад, отец мой, король Эдуард, рассудил иначе и по-иному решил этот вопрос! Неужели они забыли об этом! Но Шрусбери и Бороугбридж показали всем, что значит бунтовать против меня. Не так ли, Лестер?

Генри Лестер молча покачал своей большой уродливой головой; не слишком-то вежливо было напоминать ему о смерти его брата Томаса Лестера, обезглавленного год и четыре месяца назад, когда были повешены двадцать знатных баронов и столько же брошено в тюрьмы.

– Они и впрямь увидели, сир, супруг мой, что единственные битвы, которые вы смогли выиграть, – это битвы против собственных баронов, – проговорила Изабелла.

Эдуард вновь бросил на нее полный ненависти взгляд. «До чего же смела, – подумал Бувилль, – до чего же смела эта благороднейшая королева!»

– И несправедливо говорить, – продолжала она, – что они поднялись против вас, отстаивая права своей шпаги. Скорее уж они выступили, отстаивая право на графство Глостер[8 - Скорее уж они выступили, отстаивая право на графство Глостер… – История с графством Глостер, весьма темная и запутанная, родилась из невероятных притязаний, заявленных на него Хьюгом Диспенсером-младшим, не имевшим ни малейшего шанса, не будь он фаворитом короля. Хьюг-младший, не удовлетворившись получением Гламоргана как части приданого своей жены, потребовал в обход шуринов, и в частности Мориса Беркли, все владения покойного графа, своего тестя. Против этого ополчилась вся знать запада Англии, и Томас Ланкастер возглавил оппозицию с тем большим пылом, что в стане противников находился его злейший враг, граф Уоренн, похитивший его молодую жену, красавицу Элис. Диспенсеры, на некоторое время изгнанные постановлением парламента, принятым под давлением вооруженных сторонников Ланкастера, вскоре вернулись назад, поскольку Эдуард не мог жить ни без своего любовника, ни под опекой своего кузена Томаса. Возвращение Диспенсеров к власти стало поводом для возобновления смуты. Но Томас Ланкастер, столь же незадачливый в войне, как и в браке, весьма плохо руководил коалицией. Не придя вовремя на помощь баронам Валлийской марки, он позволил разбить их в январе 1322 г. на западе, при Шрусбери, где в плен попали оба Мортимера, а сам, напрасно ожидая в Йоркшире шотландских подкреплений, был разбит через два месяца при Боробридже и сразу после этого приговорен к смерти.], которое вы решили передать мессиру Хьюгу.

Оба Диспенсера шагнули друг к другу, как бы желая вместе отразить удар. Леди Диспенсер младшая встала из-за шахматной доски; она доводилась дочерью умершему графу Глостеру. Эдуард II топнул ногой о пол. В конце концов королева становится просто невыносимой: она открывает рот лишь затем, чтобы подчеркнуть его промахи и ошибки в управлении государством!

– Я раздаю ленные владения кому хочу, мадам, раздаю их тем, кто меня любит и служит мне! – вскричал Эдуард, кладя руку на плечо младшего Хьюга. – На кого другого могу я опереться? Где мои союзники? Какую помощь, например, оказывает мне ваш брат, король Франции? А ведь он должен был бы вести себя как мой собственный брат, ибо в конечном счете именно на этом условии меня уговорили взять вас в жены. Он требует, чтобы я приехал к нему и принес присягу верности за герцогство Аквитанское, вот и вся его поддержка. И куда он шлет свои приказы? В Гиэнь? Как бы не так! Он действует в моем же королевстве, попирая все феодальные обычаи и, очевидно, с намерением оскорбить меня. Уж не считает ли он себя сюзереном Англии? Да и потом я приносил эту присягу. Первый раз – вашему отцу, когда меня чуть было не зажарили заживо во время пожара в Мобюисоне, затем, три года назад, вашему брату Филиппу, когда я совершил поездку в Амьен. Принимая в расчет, с какой быстротой, мадам, в вашем семействе умирают короли, мне, вероятно, скоро придется обосноваться на континенте!

В глубине комнаты сеньоры, епископы и нотабли Йоркшира переглядывались между собой, ничуть не испуганные, а скорее ошеломленные этой вспышкой бессильного гнева, который столь далеко увел короля от причины, вызвавшей этот гнев, и открывал им трудности, переживаемые королевством, а заодно и характер самого Эдуарда. Так вот он какой, этот суверен, требующий от них пополнения своей казны, монарх, которому они обязаны во всем повиноваться и ради которого должны рисковать жизнью, когда он призывает их принять участие в своих войнах! Пожалуй, у лорда Мортимера были немалые основания для бунта…

Даже близкие советники Эдуарда, видимо, чувствовали себя неловко, хоть и знали привычку короля, сказывавшуюся также в его посланиях, при каждой личной неудаче перечислять все тяготы своего царствования.

Канцлер Бальдок потирал кадык, торчавший над воротом его архидиаконского одеяния. Лорд-казначей, епископ Экзетерский, покусывавший ноготь большого

пальца, исподтишка наблюдал за соседями. Один лишь Хьюг Диспенсер младший, слишком разряженный, слишком завитой, слишком надушенный для тридцатитрехлетнего мужчины, был явно доволен. Рука короля, лежавшая на плече фаворита, недвусмысленно свидетельствовала о значении и могуществе Хьюга.

У Хьюга был короткий нос с горбинкой, резко очерченные губы; он то и дело вздергивал голову, словно застоявшийся жеребец, и одобрял каждое слово Эдуарда хриплым покашливанием; на лице его было написано: «Ну, на сей раз чаша переполнилась, теперь мы прибегнем к строгим мерам!» Он был худ, высок и узкоплеч, кожа у него была нечистая и часто воспалялась.

– Мессир Бувилль, – обратился внезапно король Эдуард к послу Франции, – передайте его высочеству Валуа, что брак, который он нам предлагает, не состоится, хотя мы оценили по достоинству высокую честь, которую он нам оказал. Но у нас иные планы в отношении нашего старшего сына. Таким образом будет раз и навсегда покончено с прискорбным обычаем, согласно которому английские короли берут себе жен во Франции, что не приносит никаких выгод.

Толстяк Бувилль побледнел от оскорбления и поклонился. Затем бросил на королеву полный сожаления взгляд и вышел.

Первым и совершенно непредвиденным последствием бегства Роджера Мортимера из темницы было то, что король Англии рвал традиционный союз. Он хотел оскорбить свою супругу, но тем самым оскорбил своих сводных братьев Норфолка и Кента, мать которых была француженкой. Юноши разом повернулись к своему кузену Генри Кривая Шея, который равнодушно и покорно чуть пожал своим уродливым плечом. Король, не подумав, навсегда оттолкнул от себя могущественного графа Валуа, ибо, как всем было известно, Валуа правил Францией от имени своего племянника Карла Красивого. Так короли иной раз теряют трон и жизнь, поддавшись вспышке безрассудства… Молодой принц Эдуард, по-прежнему неподвижно и молча стоявший у окна, наблюдал за матерью и осуждал отца. В конце концов, речь шла о его женитьбе, а ему не позволили сказать ни слова. Но если бы ему предложили выбирать между английской и французской кровью, он отдал бы предпочтение последней.

Трое младших детей прекратили игру: королева знаком велела служанке увести их.

Затем очень спокойно, глядя прямо в глаза королю, она проговорила:

– Когда муж ненавидит жену, вполне естественно, что он считает ее причиной всех бед.

Эдуард был не из тех, кто способен ответить ударом на удар.

– Вся стража в Тауэре напилась до бесчувствия, – вскричал он, – помощник коменданта бежал с изменником, а коннетабль смертельно болен от зелья, которым его отравили. Если, конечно, он не предатель и не притворяется больным, дабы избежать заслуженной кары. Ибо его дело было следить за тем, чтобы узник не сбежал, слышите, Уинчестер?

Хьюг Диспенсер-отец, чьими стараниями Сигрейв был назначен на пост коннетабля, склонился, пережидая шквал. У него была длинная узкая спина, согбенная отчасти от рождения, отчасти от долгой карьеры куртизана. Недруги прозвали его хорьком. В морщинах лица под покрасневшими веками, казалось, гнездится алчность, завистливость, подлость, эгоизм, вероломство и упоение всеми этими пороками. Он не был лишен смелости, но не ведал обычных человеческих чувств, разве что к своему сыну и к двум-трем друзьям, в число которых как раз и входил Сигрейв. Приглядевшись к отцу, можно было легче понять характер сына.

– Милорд, – произнес он спокойным голосом, – я уверен, что Сигрейв ни в чем не повинен…

– Он виновен в небрежности и лени; виновен в том, что дал себя одурачить; виновен в том, что не сумел открыть заговор, который готовился у него под носом; виновен, быть может, в том, что он неудачник от природы… А я не прощаю неудачников. Пусть вы покровительствовали Сигрейву, Уинчестер, он будет наказан; тогда никто не осмелится сказать, что я пристрастен и милостив лишь к вашим ставленникам. Сигрейв будет заточен в темницу вместо Мортимера; таким образом, его преемники будут лучше нести свою службу. Вот, сын мой, как следует управлять, – добавил король, остановившись перед наследником престола.

Мальчик поднял на него глаза и тотчас же потупил взгляд.

Хьюг младший, умевший направлять гнев Эдуарда в угодную для себя сторону, откинул голову и промолвил, глядя на балки потолка:

– Мне хотелось бы обратить ваше внимание, дорогой сир, на другого изменника, который ведет себя по отношению к вам чересчур вызывающе. Я имею в виду епископа Орлетона; это он подготовил побег и, судя по всему, так мало с вами считается, что даже не счел нужным бежать или хотя бы скрыться.

Эдуард взглянул на Хьюга младшего с признательностью и восхищением. Разве можно равнодушно смотреть на этот профиль, на красивую позу говорившего Хьюга; разве можно равнодушно слушать этот высокий, отлично поставленный голос, в особенности когда он нежно и вместе с тем почтительно произносит на французский манер «дорогой сир», точно так же как произносил эти слова прелестный Гавестон, которого убили бароны и епископы… Но теперь Эдуард стал опытней, он узнал людскую злобу, убедился, что уступками ничего не добьешься. Никто не разлучит его с Хьюгом, а тот, кто посягнет на их близость, будет безжалостно сметен.

– Объявляю вам, милорды, что епископ Орлетон предстанет перед парламентом для суда и приговора над ним.

Эдуард скрестил руки и поднял голову, желая убедиться, какое действие произвели его слова. Канцлер-архидиакон и епископ-казначей, хотя и были заклятыми врагами Орлетона, вздрогнули – в них заговорила солидарность служителей церкви.

Генри Кривая Шея, человек умный и уравновешенный по натуре, старавшийся по мере возможности вернуть короля на путь разума, не удержался и спокойно заметил, что епископа может судить лишь церковный суд, состоящий из пэров церкви.

– Все имеет свое начало, Лестер. Насколько мне известно, Евангелие не учит заговорам против короля. Но Орлетон забыл о том, что кесарю – кесарево, и кесарь напомнит ому об этом. Вот еще одно благодеяние, которым я обязан вашей семье, мадам, – продолжал король, обращаясь к Изабелле, – ибо не кто иной, как ваш брат Филипп V заставил своего французского папу назначить против моей воли этого Адама Орлетона епископом Герифорда. Быть по сему! Пусть он станет первым прелатом, подлежащим королевскому суду, и кара,

которую он понесет, послужит уроком для других.

– Орлетон никогда но проявлял враждебности в отношении вас, кузен, – настаивал Генри, – и у него не было бы ни малейших оснований стать вашим недругом, если бы вы не ополчились против него и не воспротивились на заседании Совета тому, что папа дал ему митру. Это человек великих знаний и сильной души. Быть может, сейчас, воспользовавшись тем, что он виновен, было бы разумнее привлечь его на свою сторону, проявив снисходительность, и отказаться от суда, который при ваших нынешних затруднениях вызовет недовольство и среди духовенства.

– Снисходительность, милосердие! Всякий раз, когда меня оскорбляют, бросают мне вызов и предают, у вас на устах только одни эти слова, Лестер! Меня умоляли помиловать барона Вигморского, и я совершил ошибку, послушавшись советов! Не станете же вы отрицать, что если бы я поступил с ним так же, как с вашим братом, то ныне этот бунтарь не был бы на пути во Францию.

Генри пожал своим уродливым плечом, закрыл глаза, и на его лице появилось усталое выражение. До чего же отвратительная привычка у Эдуарда – хотя сам он считал ее истинно королевской – называть членов своей семьи и своих главных советников по имени их графств и говорить своему двоюродному брату «Лестер», а не просто «кузен», как это делают все и даже сама королева! И какой дурной тон – при всяком удобном и неудобном случае вспоминать об убийстве Томаса как о славном деянии. До чего же он странный человек и дурной король! Вообразил, что можно безнаказанно рубить головы своим ближайшим родственникам, не породив в семье злобы, считает, что одного его королевского объятия достаточно, чтобы заглушить в сердцах боль потери; он требует преданности от тех самых людей, которым он причинил зло, и желает, чтобы все верой и правдой служили ему, этому олицетворению необдуманной жестокости.

– Да, конечно, вы правы, милорд, – проговорил Генри Кривая Шея, – шестнадцатилетний опыт правления, несомненно, научил вас взвешивать свои решения. Пусть ваш епископ предстанет перед парламентом. Я не стану чинить этому препятствий.

И он процедил сквозь зубы, так, чтобы его слышал лишь молодой граф Норфолк:

– Хотя голова у меня набекрень, все-таки жаль с ней расставаться.

– Согласитесь, – продолжал Эдуард, рубя ребром ладони воздух, – что бежать из крепости, которую я нарочно построил с таким расчетом, чтобы из нее никто не сбежал, значит оскорбить меня лично.

– Возможно, сир, супруг мой, – промолвила королева, – строя крепость, вы обращали больше внимания на красоту каменщиков, нежели на прочность сооружения.

В комнате воцарилась гробовая тишина. Оскорбление было достаточно сильным и достаточно неожиданным. Присутствующие, затаив дыхание, смотрели, кто с почтением, кто с ненавистью, на эту хрупкую, одинокую женщину, прямо восседавшую на своем кресле и осмелившуюся дать королю столь резкий отпор. Приоткрыв губы, Изабелла обнажила мелкие, густо сидевшие, острые зубы, зубы хищного зверька. Нанесенный удар, независимо от последствий, доставил ей явное удовлетворение.

Хьюг младший побагровел; Хьюг-отец сделал вид, что ничего не слышал.

Разумеется, Эдуард должен был отомстить, но каким образом? Ответный удар запаздывал. Королева смотрела на капельки пота, выступившие на висках ее мужа. Ничто не может вызвать большего отвращения у женщины, чем пот мужчины, которого она разлюбила.

– Кент, – вскричал король, – я назначил вас смотрителем Пяти Портов и комендантом Дувра. Что охраняете вы здесь? Почему вы не на вверенном вам побережье, где изменник попытается сесть на корабль?

– Сир, брат мой, – с изумлением проговорил молодой граф Кент, – ведь вы же сами приказали мне сопровождать вас в поездке…

– Так вот теперь я приказываю вам вернуться в ваше графство, поднять города и селения на поиски беглеца и лично проследить за тем, чтобы все корабли, заходящие в порты, подвергались тщательному досмотру.

– Пусть зашлют на корабли соглядатаев и пусть добудут живым или мертвым Мортимера, если он поднимется на борт корабля, – добавил Хьюг младший.

– Добрый совет, Глостер, – одобрил Эдуард. – Что касается вас, Степлдон…

Епископ Экзетерский перестал грызть ноготь и пробормотал:

– Милорд…

– А вы спешно вернетесь в Лондон! Под предлогом проверки государственной казны, что, кстати, входит в ваши обязанности, вы явитесь в Тауэр и, показав оттиск моей печати, возьмете крепость под свое командование и наблюдение до тех пор, пока не будет назначен новый коннетабль. Бальдок срочно выдаст вам обоим грамоты, обязывающие всех выполнять ваши приказания.

Генри Кривая Шея, склонив голову на плечо и глядя в окно, казалось, о чем-то мечтал. Он подсчитывал… Подсчитывал, что с момента бегства Мортимера прошло шесть дней, что понадобится еще не менее недели, чтобы приказы начали приводиться в действие, и что если только Мортимер не безумец, чего про него не скажешь, то он, несомненно, успеет за это время покинуть пределы королевства[9 - …он, несомненно, успеет за это время покинуть пределы королевства. – Поручение епископу Эксетерскому датируется согласно Calendar of close rolls 6 августа 1323 г. По поводу дела Мортимера были отправлены и другие приказы, в частности, 10 августа шерифам графства Кент, а 26 августа самому графу Кентскому. Непохоже, чтобы король Эдуард узнал раньше 1 октября, куда направился беглец.]. И он с радостью подумал о том, что после Бороугбриджа вместе с большинством епископов и сеньоров старался сохранить жизнь барона Вигморского. Ибо теперь, когда Мортимер бежал, оппозиция против Диспенсеров, быть может, вновь обретет вожака, чего ей недоставало со времени смерти Томаса Ланкастера, вожака даже более энергичного, более ловкого и сильного, чем покойный Томас…

По спине короля прошло волнообразное движение, Эдуард круто повернулся и очутился лицом к лицу со своей женой.

– Так вот, мадам, я и впрямь считаю вас виновной в случившемся. Но прежде всего попрошу вас отпустить руку, которую вы не выпускаете с тех пор, как я вошел! Отпустите руку леди Жанны! – крикнул Эдуард, топнув ногой. – Держать

при себе с таким упрямством жену предателя – это значит одобрять его самого. Тот, кто помог бежать Мортимеру, разумеется, знал о поддержке королевы… Да к тому же без денег не убежишь; за измену платят, и стены разрушают золотом. От королевы к придворной даме, от придворной дамы к епископу, от епископа к бунтовщику – путь простой. Придется повнимательнее проверить ваш ларец.

– Сир, супруг мой, мой ларец и без того проверяют достаточно тщательно, – проговорила Изабелла, указывая на леди Диспенсер.

Казалось, Хьюг младший вдруг потерял интерес к спору. Наконец-то гнев короля, как и обычно, обернулся против королевы. Эдуард, несомненно, нашел способ отомстить ей, и Хьюг торжествовал. Он взял книгу, которая лежала рядом с креслом и которую леди Мортимер читала королеве до прихода графа Бувилля. Это было собрание лэ Марии Французской[10 - Это было собрание лэ Марии Французской… – Мария Французская, старейшая из французских поэтесс, жила во второй половине XII в. при дворе Генриха II Плантагенета, куда была привезена или призвана Алиенорой Аквитанской, неверной государыней (по крайней мере, по отношению к своему первому супругу, королю Франции), но наверняка великолепной и создавшей вокруг себя в Англии настоящий центр искусства и поэзии. Алиенора сама была внучкой поэта, герцога Гийома IX.Произведения Марии Французской пользовались огромным успехом не только при ее жизни, но еще и на протяжении всего XIII и в начале XIV в.]; шелковой закладкой был отмечен куплет:

Ни в Бургундии, ни в Булони,

Ни в Анжу и ни в Гаскони

Вам вовеки не сыскать

Рыцаря ему под стать.

Все прекраснейшие дамы,

Благородные девицы

Лишь о нем одном вздыхают,

Он один во сне им снится.

«Франция, вечно одна только Франция… И читают они лишь об этой стране, – подумал Хьюг. – Но кто же этот рыцарь, о котором они мечтают? Разумеется, Мортимер…»

– Милорд, я не слежу за милостыней, которую раздает королева, – проговорила Алиенора Диспенсер.

Фаворит поднял глаза и улыбнулся. В душе он поздравил жену с этим ловким ходом.

– Итак, придется мне отказаться и от раздачи милостыни, – сказала Изабелла. – Вскоре я лишусь всех привилегий королевы, даже права быть милосердной.

– Вам придется также, мадам, – продолжал Эдуард, – ради любви, которую вы питаете ко мне и которая всем очевидна, расстаться с леди Мортимер, ибо отныне никто в королевстве не сможет понять, почему она пребывает при вас.

На сей раз королева побледнела и поникла в своем кресле. Большие белые руки леди Джейн задрожали.

– Не следует считать, Эдуард, что супруга причастна к действиям мужа. Возьмите, к примеру, меня. И поверьте, леди Мортимер столь же мало виновна в ошибках своего мужа, как и я в ваших грехах, если вам случается таковые совершать.

Однако на этот раз атака не удалась.

– Леди Джейн отправится в Вигморский замок, который я отныне вверяю наблюдению моего брата Кента, вплоть до того дня, пока я не приму решения о судьбе имущества того человека, чье имя в следующий раз будет произнесено в моем присутствии лишь при вынесении смертного приговора. Полагаю, леди Джейн, что вы предпочтете уехать в ваш замок добровольно и не заставите применять в отношении вас силу.

– Так, значит, меня хотят оставить в полном одиночестве, – промолвила Изабелла.

– Как вы можете говорить об одиночестве, мадам! – воскликнул Хьюг младший своим красивым певучим голосом. – Все мы – друзья короля, а значит, и ваши преданные друзья. И разве моя преданная жена, госножа Алиенора, не ваша верная подруга? Какая красивая книга, – добавил он, показывая на сборник лэ, – и иллюстрирована изящнейшими гравюрами; не дадите ли вы ее мне почитать?

– Конечно же, конечно, королева даст ее вам, – сказал король. – Не правда ли, мадам, вы сделаете нам удовольствие и дадите книгу нашему другу Глостеру?

– Весьма охотно, сир, супруг мой, весьма охотно. Хотя я знаю, что означают слова «дать на время», когда речь идет о вашем друге лорде Диспенсере. Вот уже десять лет, как я ему точно так же отдала свой жемчуг, и, как видите, он до сих пор носит его на шее!

Она не сдавалась, но сердце бешено колотилось в ее груди. Впредь ей предстоит одной сносить каждодневные оскорбления. Но если когда-нибудь наступит день мести, она припомнит все.

Хьюг младший положил книгу на ларец и заговорщически подмигнул жене. Лэ Марии Французской ждала судьба золотых застежек со львами из драгоценных камней, трех золотых корон, четырех корон, украшенных рубинами и изумрудами, ста двадцати серебряных ложек, тридцати больших блюд, десяти золотых кубков, постельного белья, расшитого золотыми геральдическими ромбами, кареты с шестеркой лошадей, носильного белья, серебряных тазиков, упряжек, церковного убранства – всех этих чудесных вещей, подаренных Изабелле отцом или близкими, вещей, составлявших часть ее приданого, занесенного Югом де Бувиллем в подробный перечень перед отъездом в Англию, и перешедших затем в руки фаворитов короля – сначала Гавестона, потом Диспенсера. У нее отобрали даже широкий расшитый плащ из турецкого сукна, который был на ней в день свадьбы!

– Итак, милорды, – сказал король, хлопнув в ладоши, – исполняйте незамедлительно мои приказы, и да будет каждый из вас на высоте своего долга!

Это тоже было его любимое выражение, еще одна фраза, которую Эдуард считал поистине королевской и которой он оканчивал свои Советы. Он вышел, за ним последовали остальные, и комната опустела.

Приорство Киркхейм постепенно погрузилось во мрак, и вместе с сумерками в окна проникло немного прохлады. Королева Изабелла и леди Мортимер, боясь расплакаться, не решались промолвить ни слова. Они виделись в последний раз перед долгой разлукой. Суждено ли им встретиться когда-нибудь? Какая судьба уготована каждой из них?

Молодой принц Эдуард, потупив взор, бесшумно сел позади матери, словно желая заменить подругу, которой ее лишали.

Леди Диспенсер подошла, чтобы взять книгу, приглянувшуюся ее мужу, красивую книгу, бархатный переплет которой был украшен драгоценными камнями. Уже давно этот томик был предметом ее вожделения, тем более что она знала ему цену. Но когда она намеревалась взять лэ, молодой принц Эдуард положил на переплет свою руку.

– Ну нет, скверная женщина, – проговорил он, – вам ее не видать.

Королева молча отстранила руку принца, взяла книгу и протянула ее своей ненавистнице. Затем повернулась к сыну, слегка улыбнувшись и вновь показав свои мелкие зубки хищницы. Одиннадцатилетний ребенок не мог еще быть надежной опорой; но его поддержка все-таки значила немало, ибо он был наследным принцем.

Глава III

Новый клиент мессира Толомеи

Старый Спинелло Толомеи, откинув ногой край ковра в своем кабинете на втором этаже и сдвинув маленькую деревянную заслонку, открыл секретный глазок, через который мог наблюдать за своими приказчиками, работавшими в большой галерее нижнего этажа. С помощью подобного скрытого в балках «шпиона» – чисто флорентийское изобретение – мессир Толомеи мог видеть все, что происходило внизу, слышать все, что там говорилось.

Сейчас в его заведении, занимавшемся банковскими операциями и торговлей, царило великое смятение. По прилавкам пробегали тени от беспокойно колебавшегося пламени ламп с тремя светильниками, приказчики перестали подсчитывать медные жетоны, железный аршин с грохотом упал на пол, а на столиках менял покачивались весы, хотя никто к ним не прикасался. Покупатели повернулись к двери, а старшие приказчики, приложив руку к груди, уже склонились в поклоне.

Мессир Толомеи усмехнулся, догадавшись по этому смятению, что к нему пожаловал граф Артуа. Впрочем, через минуту он и сам увидел в глазок огромную, красного бархата шляпу с гребнем, красные перчатки, красные сапоги с громко звенящими шпорами, ярко-красный плащ, свободно развевавшийся за плечами гиганта. Только его светлость Робер Артуа входил к Толомеи с таким шумом, вызывая своим появлением дрожь у служащих, только он имел привычку пощипывать на ходу горожанок, чьи мужья не осмеливались пикнуть, только он одним своим дыханием, казалось, сотрясал стены.

Но все это не производило на старого банкира особого впечатления. Толомеи давно знал графа Артуа. Много раз наблюдал он за ним, и отсюда, сверху, ему было хорошо видно, сколько наигранного, показного, театрального в жестах этого сеньора. Только потому, что природа наделила Артуа исключительными физическими данными, он разыгрывал из себя людоеда. На самом же деле он просто хитрец, бестия. К тому же Толомеи вел финансовые дела Робера…

Куда больше заинтересовал банкира спутник Артуа; он был в черной одежде, шагал уверенно, по виду это был человек сдержанный, замкнутый и высокомерный. С первого же взгляда Толомеи распознал в нем по-настоящему сильный характер.

Оба посетителя остановились перед прилавком с оружием и упряжью, и его светлость Артуа принялся перебирать своей огромной лапищей в красной перчатке кинжалы, клинки, образцы ножен, ворошить попоны, стремена, изогнутые удила, зубчатые, узорно расшитые уздечки. Потом приказчикам и за час не разложить товары по местам. Робер выбрал пару толедских шпор с длинными остриями, загнутыми кверху и наружу для того, чтобы не повредить сухожилий своего любимого Ахилла при резких ударах шпор: это было остроумное и, несомненно, весьма полезное для турниров нововведение. Крепления шпор были украшены цветами и лентами, на позолоченной стали круглыми буквами был выгравирован девиз: «Побеждать».

– Дарю их вам, милорд, – сказал гигант сеньору в черном. – Недостает лишь дамы, которая пристегнула бы их к вашим ногам. Но тут задержки не будет, французские дамы легко возгораются страстью к чужестранцам. Вы найдете здесь все, что угодно, – продолжал он, обводя рукой галерею. – Мой друг Толомеи, искусный ростовщик и купец, хитрая лиса, достанет вам все, чего бы вы ни просили, застать его врасплох невозможно. Не хотите ли вы преподнести в дар вашему капеллану ризу? У него их тут три десятка на выбор… Колечко вашей возлюбленной? У него полные сундуки драгоценных камней… Если вы хотите надушить девицу, прежде чем развлекаться с ней, он предложит вам мускус, доставленный прямо с рынков Востока… Может быть, вам требуется реликвия?.. У него их три сундука… И помимо всего он продает золото, чтобы скупать все эти сокровища! У него есть монеты со всех уголков Европы; можете узнать курс каждой на тех аспидных досках. Он торгует цифрами, и это, пожалуй, главное, чем он торгует: арендные счета, проценты с заемов, доходы с ленных владений… За каждой такой маленькой дверцей у него сидят приказчики, которые подсчитывают, удерживают. Что делали бы мы без этого человека, который обогащается, потому что мы слабы в арифметике! Поднимемся к нему.

И деревянные ступеньки винтовой лестницы заскрипели под тяжестью графа Артуа. Мессир Толомеи задвинул заслонку глазка и опустил край ковра.

Комната, куда вошли оба сеньора, была мрачной, пышно обставлена тяжелой мебелью, большими серебряными вазами, на стенах висели узорчатые ковры, заглушавшие все шумы; здесь пахло свечами, ладаном, пряностями и лекарственными травами. Казалось, собранные банкиром богатства впитали в себя все запахи жизни.

Банкир поднялся им навстречу. Робер Артуа, давно не видевший Толомеи, – почти три месяца он разъезжал со своим кузеном, королем Франции, сопровождал его в Нормандию, куда они прибыли в конце августа, затем вместе с ним провел осень в Анжу, – удивился перемене, происшедший в сиеннце. Банкир постарел, седые волосы жидкими прядями спадали на воротник его кафтана; время наложило жестокий отпечаток на его лицо; от висков к скулам легла сетка морщин, словно по лицу его прошлись птичьи когти; дряблые щеки слились с отвисшим подбородком; грудь впала, зато живот торчал сильнее прежнего; коротко остриженные ногти крошились. Только левый глаз, знаменитый левый глаз мессира Толомеи, обычно зажмуренный, придавал ему выражение живости и лукавства; но взгляд другого глаза – широко открытого, –

рассеянный, отсутствующий и утомленный взгляд, выдавал человека изнемогшего и помышляющего не так о внешнем мире, как о дряхлой своей плоти, где гнездятся недуги и усталость, о плоти, которая скоро превратится в прах.

– Друг Толомеи, – воскликнул Робер Артуа, сняв перчатки и швырнув их, словно кровавый кусок мяса, на стол, – друг мой Толомеи, в лице этого посетителя вам улыбается фортуна.

Банкир указал гостям на кресла.

– Во что же она мне обойдется, ваша светлость? – спросил он в ответ.

– Ну, ну, банкир, – сказал Робер Артуа, – разве когда-нибудь по моей вине вы помещали невыгодно капиталы?

– Никогда, ваша светлость, никогда, признаю. Правда, с платежами иногда немного запаздывали, но, в конце концов, бог даровал мне довольно долгую жизнь, и я смог пожать плоды оказанного мне вами доверия. Но представьте, ваша светлость, что я бы умер, как умирают другие, в пятьдесят лет? Тогда по вашей милости я умер бы банкротом.

Остроумная шутка развеселила Робера Артуа, и он улыбнулся всем своим широким лицом, обнажив крепкие, но грязные зубы.

– Разве вы когда-нибудь теряли на мне? – ответил он. – Вспомните, как в свое время я втянул вас в игру его высочества Валуа против Ангеррана де Мариньи. И вы сами видите, кто сейчас Карл Валуа и как кончил Мариньи свою бренную жизнь. Разве я не вернул вам сполна всю сумму, которую вы дали мне на войну в Артуа? Я признателен вам, банкир, весьма признателен за то, что вы всегда меня поддерживали, даже в самые тяжелые часы; ибо было время, когда я по уши влез в долги, – продолжал он, повернувшись к сеньору в черном, – у меня не оставалось земель, если не считать несчастного графства Бомон-ле-Роже, доходы от коего казна к тому же выплачивала не мне, а мой любезный кузен Филипп Длинный – да хранит бог его душу в самых дальних закоулках ада – упрятал меня в Шатле. И вот этот банкир, которого вы, милорд, видите перед собой, ростовщик, я величайший плут, каких когда-либо давала миру Ломбардия, человек, способный взять в залог ребенка в утробе матери, никогда не оставлял

меня в беде. Вот почему он так долго прожил и проживет еще немало…

Мессир Толомеи растопырил два пальца правой руки на манер рожек и прикоснулся к деревянной столешнице.

– Да, да, король ростовщиков, вы будете еще долго жить, уж поверьте мне… Вот почему этот человек будет всегда моим другом, которому я безгранично верю. И он был прав, поддерживая меня, ибо ныне я зять его высочества Валуа, член королевского Совета и живу на доходы с собственного графства. Мессир Толомеи, знатный сеньор, которого вы видите, – это лорд Мортимер, барон Вигморский.

– Бежавший из Тауэра первого августа, – проговорил банкир, склоняя голову. – Большая честь, милорд, большая честь!

– Черт подери! – вскричал Артуа. – Так, значит, вам все известно?

– Ваша светлость, барон Вигморский слишком видная фигура, чтобы мы не знали, что случилось с ним, – ответил Толомеи. – Мне даже известно, милорд, что, когда король Эдуард отдал приказ своим шерифам на побережье отыскать и арестовать вас, вы уже отплыли и были вне досягаемости английского правосудия. Мне известно, что, когда он велел обшарить все суда, готовящиеся к отплытию в Ирландию, и перехватить всю почту из Франции, ваши друзья в Лондоне и по всей Англии уже были уведомлены о благополучном вашем прибытии в Пикардию, к вашему кузену мессиру Жану де Фиенну. И, наконец, мне известно, что, когда король Эдуард приказал мессиру де Фиенну вас выдать, угрожал отобрать все его земли, находящиеся по ту сторону Ла-Манша, этот сеньор, горячий сторонник и верная опора его светлости Робера, тотчас же направил вас к нему. Должен сказать вам, что я не только предполагал, я был уверен, что вы придете ко мне, ибо его светлость Артуа – мой постоянный клиент, как он сам об этом сказал, всегда вспоминает обо мне, когда его друзья попадают в затруднительное положение.

Роджер Мортимер внимательно слушал банкира.

– Я вижу, мессир, – ответил он, – что у ломбардцев отличные соглядатаи при английском дворе.

– Для вашей же пользы, милорд… Вам, вероятно, известно, что король Эдуард должен нашим компаниям крупную сумму. А за должником нужно следить. Тем более что ваш король уже давно отказывается признавать свою же собственную подпись, по крайней мере когда дело касается нас. Он ответил нам через своего лорда-казначея епископа Экзетерского, что незначительные доходы от сбора податей, тягостное бремя войн и происки его баронов не позволяют ему поступить иначе. А между тем пошлин, которыми он облагает наши товары в одном лишь лондонском порту, вполне хватило бы на то, чтобы рассчитаться с нами.

Слуга принес подогретое вино и драже – обычное угощение для знатных посетителей. Толомеи поднес гостям по целому кубку пряного вина, себе же налил лишь несколько капель и едва пригубил кубок.

– В настоящее время казна Франции находится, по-моему, в лучшем состоянии, нежели английская, – добавил он. – Не известно ли уже сейчас, ваша светлость Робер, каким приблизительно будет сальдо в этом году?

Если в нынешнем месяце не грянет какая-нибудь нежданная беда – чума, голод, женитьба или похороны кого-нибудь из наших родственников королевской крови, то доходы на двенадцать тысяч ливров превысят расходы; эти цифры представил сегодня утром Совету глава Счетной палаты Миль де Нуайэ. Активное сальдо в двенадцать тысяч! Никогда еще во времена двух Филиппов – и Четвертого и Пятого (а не дай бог появиться Шестому) – казна не была в таком блестящем состоянии.

– Как удалось вам, ваша светлость, добиться превышения доходов над расходами? – спросил Роджер Мортимер. – Не является ли это следствием того, что государство не ведет войн?

– С одной стороны, войн нет, но в то же время война есть, война, которую готовят, но не ведут. Или, точнее говоря, крестовый поход. Должен сказать, Валуа как никто умеет воспользоваться выгодами крестового похода! Не подумайте, что я считаю его плохим христианином! Разумеется, он от всего сердца желает освободить Армению от турок, так же как он желает восстановить ту самую Константинопольскую империю, корону которой он в свое время носил, так и не сумев взойти на трон. Но, в конце концов, крестовый поход в один день не подготовишь! Надо еще снарядить флот, выковать оружие; а главное, надо найти крестоносцев, договориться с Испанией, договориться

с Германией… А первый шаг на этом пути – добиться от папы уплаты десятины с духовенства. Мой дорогой тесть добился этой десятины, и сейчас все убытки казны покрывает не кто иной, как папа.

– Ну и ну! Вы, ваша светлость, чрезвычайно меня заинтересовали! – произнес Толомеи. – Поскольку я являюсь банкиром папы… Четвертая доля вместе с Барди, но и эта четвертая доля достаточно велика! И если папа, не дай бог, обеднеет…

Артуа, отхлебнувший большой глоток вина, прыснул со смеху в серебряный кубок и поперхнулся.

– Обеднеет? Кто? Святой отец? – воскликнул он, проглотив наконец вино. – Да ведь он богач, у него сотни тысяч флоринов! О, этот человек мог бы кое-чему научить даже вас, Спинелло. Каким великим банкиром мог бы он стать, не будь он духовным лицом! Ведь когда он принял папскую казну, в ней было еще меньше денег, чем в моем кармане шесть лет назад…

– Знаю, знаю, – пробормотал Толомеи.

– Дело в том, что кюре лучшие сборщики налогов, какие когда-либо существовали на свете, и его высочество Валуа отлично усвоил эту истину. Вместо того чтобы увеличивать подати, используя для этого ненавистных всем сборщиков, в ход были пущены священнослужители, они выклянчивают пожертвования, а с них берут десятину. Рано или поздно крестоносцы двинутся в путь. А пока платит папа, стрижет шерсть со своих овечек, то бишь паствы.

Толомеи осторожно потер правую ногу; с некоторых пор нога начала холодеть и побаливала при ходьбе.

– Так вы говорите, ваша светлость, что сегодня утром состоялся Совет. Не было ли принято на нем каких-нибудь важных ордонансов? – спросил он.

– О! Как и обычно. Обсудили стоимость свечей и приняли решение запретить подмешивать в воск животное сало, а также смешивать старое варенье с новым. В отношении товаров, продаваемых в упаковке, вес упаковки должен вычитаться и не включается в цену. Все это в угоду простому люду, дабы показать ему, что о нем пекутся.

Слушая разглагольствования Робера, Толомеи внимательно разглядывал своих посетителей. Оба они казались ему молодыми; сколько могло быть лет Артуа? Тридцать пять, тридцать шесть… Да и англичанину не больше. Все мужчины, не достигшие шестидесяти лет, казались ему чуть ли не юношами! Сколько у них впереди дел, сколько волнений, битв, надежд и сколько восходов солнца, которых ему уже не увидеть! Сколько раз эти двое, проснувшись, вдохнут воздух нового дня, когда его прах уже будет покоиться в земле!

И что за человек этот лорд Мортимер? Лицо с правильными чертами и густыми бровями, гордый разрез серых глаз, строгая одежда, манера скрещивать руки, высокомерная и спокойная осанка человека, который еще недавно был на вершине могущества и старается сохранить свое достоинство в изгнании, даже машинальное движение, когда он проводил пальцем по небольшому белому шраму на губе, – все это понравилось старому сиеннцу. И Толомеи вдруг захотелось, чтобы этот сеньор вновь обрел счастье! С некоторых пор Толомеи находил своеобразное удовольствие, думая о других людях.

– А что, ордонанс о вывозе монет будет вскоре обнародован, ваша светлость, или нет? – спросил он. Робер Артуа заколебался с ответом.

– Может быть, вы не слишком осведомлены об этом… – добавил Толомеи.

– Разумеется, разумеется, я осведомлен. Вы же прекрасно знаете, что король и особенно его высочество Валуа не делают ничего, не спросив моего совета. Ордонанс будет подписан через два дня: никто не будет иметь права вывозить за пределы королевства золотые или серебряные монеты, отчеканенные где-либо во Франции. Только паломникам разрешат брать с собой несколько мелких монет.

Банкир сделал вид, что придает этой новости ничуть не больше значения, чем ценам на свечи и подмешиванию старого варенья в новое. Но про себя он уже думал: «Значит, вывозить из королевства можно будет только иностранные монеты; следовательно, они возрастут в цене… Какую помощь в нашем деле оказывают болтуны и как дешево отдают нам бахвалы то, что могли бы продать втридорога!»

– Итак, милорд, – сказал он, поворачиваясь к Мортимеру, – вы рассчитываете обосноваться во Франции? Чем я могу быть вам полезен?

За Мортимера ответил Робер:

– Всем, что необходимо знатному сеньору для поддержания своего положения. У вас достаточно богатый опыт в этом деле, Толомеи!

Банкир позвонил в колокольчик. Вошел слуга, и банкир велел ему принести свою большую книгу, добавив:

– Если мессир Боккаччо еще не уехал, скажи ему, пусть подождет меня.

Принесли книгу – огромный фолиант в обложке из черной кожи, сильно потертой от бесчисленных прикосновений; веленевые листы книги были скреплены при помощи подвижных зажимов. При желании в книгу можно было добавлять сколько угодно новых листков. Этот прием позволял мессиру Толомеи подкалывать счета своих знатных клиентов в алфавитном порядке, вместо того чтобы каждый раз искать разрозненные листки. Банкир положил книгу на колени и с некоторой торжественностью открыл ее.

– Вы будете в хорошей компании, милорд, – проговорил он. – По месту и почет… Книга начинается с графа Артуа. У вас много счетов, ваша светлость, – добавил он с усмешкой, обращаясь к Роберу. – Затем следует граф Бувилль, попавший сюда в связи с его поездками к папе и в Неаполь… Королева Клеменция.

Банкир почтительно склонил голову.

– О! Она доставила нам немало забот после смерти короля Людовика Десятого; можно было подумать, что горе породило в ней ненасытную расточительность. Сам святейший отец заклинал ее в особом послании быть умеренной, и она вынуждена была заложить у меня свои драгоценности, чтобы расплатиться с долгами. Сейчас она живет доходами с земель, завещанных ей покойным супругом, в отеле Тампль, который получила в обмен на Венсеннский замок, и, кажется, вновь обрела покой.

Он продолжал переворачивать шелестевшие под его рукой страницы.

«Ну вот, теперь я сам расхвастался, – подумал Толомеи. – Впрочем, нужно же хоть немного подчеркнуть услуги, которые оказываешь, а заодно показать,

что ничуть не польщен новым должником».

Толомеи с необычайной ловкостью показывал посетителям лишь имена, прикрывая рукой столбцы цифр. Таким образом он был нескромен только наполовину. Кроме того, вся его жизнь была как бы заключена в этой книге, и он с тайной радостью листал ее при всяком удобном случае. Каждое имя, каждый счет вызывали множество воспоминаний, были связаны с множеством интриг и чужих тайн, с множеством обращенных к нему просьб, так что книга стала как бы мерилом его могущества. Каждая сумма была живым напоминанием о чьем-нибудь посещении, письме, ловкой сделке, свидетельствовала о симпатии или жестокости в отношении неаккуратного должника… Прошло уже почти полвека с тех пор, как Спинелло Толомеи, приехавший из Сиенны и поначалу торговавший на ярмарках в Шампани, обосновался здесь, на Ломбардской улице, и открыл собственный банк[11 - …обосновался здесь, на Ломбардской улице, и открыл собственный банк. – Компания Толомеи, один из самых значительных сиенских банков наряду с компанией Буонсиньори, приобрела большую силу и известность с начала XIII в. Ее главным клиентом было папство; основатель банка, Толомео Толомеи, участвовал в посольстве к Папе Александру III. При Александре IV Толомеи стали исключительными банкирами Святого престола. Урбан IV номинально исключил их из общего отлучения, направленного против Сиены между 1260 и 1273 гг. Примерно в это же время (конец царствования Людовика Святого, начало царствования Филиппа III) Толомеи начали появляться на больших ярмарках в Шампани; тогда же Спинелло основал французскую ветвь компании. В Сиене до сих пор существуют площадь и палаццо Толомеи.].

Еще страница, еще одна, зацепившаяся за поломанный ноготь. Имя, перечеркнутое черной чертой.

– Смотрите-ка, вот мессир Данте Алитьери, поэт… Счет на небольшую сумму, которую он взял, когда прибыл в Париж навестить королеву Клеменцию в дни траура. Он был большим другом Клеменции и ее отца короля Карла Венгерского. Помню, как он сидел в том же кресле, что и вы, милорд. Недобрый он был человек. Сам сын менялы, он целый час говорил мне о своем презрении к профессии банкира. Но пусть он бывал злым, пусть пьянствовал с девками в злачных местах, а сам твердил о своей небесной любви к Беатриче! Зато первый показал, сколь певуч наш язык, никто до него не сумел этого сделать. А как он описал ад, милорд! Вы не читали? Ай-ай-ай, прикажите-ка вам перевести! Содрогаешься при одной мысли, что так оно и есть. А знаете,

в Равенне, где мессир Данте прожил свои последние годы, люди со страхом разбегались при виде его, ибо думали, что он и в самом деле спускался в преисподнюю. До сих пор немало людей отказываются верить, что он действительно умер два года назад, они утверждают, что он волшебник и не может умереть!.. Да, он не любил ни банков, ни его высочество Валуа, который изгнал его из Флоренции.

Пока Толомеи рассказывал о Данте, он прижимал раздвинутые рожками пальцы к деревянной ручке кресла.

– Вот, вы будете здесь, милорд, – вновь заговорил он, делая пометку в толстой книге. – Сразу же после монсеньора Мариньи; не беспокойтесь, не того, которого повесили и о котором только что упомянул его светлость Артуа, нет, а его родича, епископа Бовэзского. С нынешнего дня я открываю вам счет на десять тысяч ливров. Можете использовать их по своему усмотрению; мой скромный дом всегда к вашим услугам. Ткани, оружие вы возьмете здесь у меня и получите любые товары в кредит.

У Толомеи уже давно вошло в привычку давать людям взаймы деньги на покупку того, что он сам же продавал.

– А как ваш процесс против тетушки, ваша светлость? Не намерены ли вы возобновить его теперь, когда достигли такого могущества? – спросил он Робера.

– Непременно, непременно, но всему свое время, – ответил гигант, вставая. – Торопиться нечего, и я давно убедился, что излишняя поспешность мне только во вред. Пусть моя дражайшая тетушка стареет, пусть растрачивает силы в мелких тяжбах с вассалами и своим сутяжничеством каждый день наживает себе новых врагов, пусть приводит в порядок замки, с которыми я не совсем бережно обошелся во время последнего пребывания на ее землях и которые на самом-то деле принадлежат мне. Она начинает понимать, во что ей обойдется владение моим добром! Ей пришлось одолжить его высочеству Валуа пятьдесят тысяч ливров, которых она в глаза не увидит, ибо их дали в приданое за моей супругой и именно из этой суммы я уплатил вам долг. Как видите, эта шлюха на самом деле не такая уж вредная особа, как об этом говорят. Я только стараюсь поменьше с ней встречаться, ибо она меня до того любит, что вполне может отправить к праотцам, подсунув какое-нибудь засахаренное драже, от которого уже отдало богу душу немало наших родичей… Но я верну

свое графство, банкир, верну, будьте уверены, и, когда это случится, я сдержу свое слово и сделаю вас своим казначеем.

Провожая посетителей, мессир Толомеи, осторожно нащупывая ступеньки, спустился по лестнице и довел их до двери, выходившей на Ломбардскую улицу. Когда Роджер Мортимер осведомился, под какой процент ему даны деньги, банкир жестом дал понять, что вопрос этот излишен.

– Окажите лишь честь, заглядывая в мой банк, навещать меня, – сказал он. – Вы, несомненно, сможете рассказать мне много поучительного, милорд.

Слова эти сопровождались улыбкой, а левый глаз вдруг приоткрылся и даже слегка подмигнул, что должно было означать: «Поговорим наедине, без болтливых свидетелей».

От холодного ноябрьского воздуха, ворвавшегося с улицы, по телу старика пробежала легкая дрожь; но как только дверь за посетителями закрылась, Толомеи прошел за прилавки в маленькую комнату для ожидания, где находился Боккаччо, кочующий представитель компании Барди.

– Друг Боккаччо, – обратился к нему Толомеи, – сегодня и завтра скупай все английские, голландские и испанские монеты, итальянские флорины, дублоны, дукаты – всю чужеземную валюту; можешь переплачивать по денье, а то и по два на каждой монете. Через три дня цена на них возрастет на четверть. Все путешественники вынуждены будут запасаться ими у нас, ибо вывоз французского золота будет запрещен. Доход от этой операции поделим пополам.[12 - Доход от этой операции поделим пополам, – Указ Карла IV о запрещении вывоза французской монеты был, несомненно, случаем спекуляции, потому что другой указ, опубликованный через четыре месяца, запрещал покупать золото и серебро по более высокому курсу, нежели денежный курс королевства. Год спустя у итальянских купцов были отняты права прочей буржуазии; правда, это не означает, что им пришлось покидать Францию, просто их вынуждали еще раз выкупать разрешение на коммерцию.]

Банкир приблизительно прикинул, сколько можно будет собрать иностранного золота на месте, приплюсовав то, что лежало у него в сундуках, и подсчитал, что это дельце принесет ему пятнадцать-двадцать тысяч ливров чистой прибыли. Другими словами, он удвоит ту сумму в десять тысяч ливров, которую

только что дал взаймы, и благодаря удачной операции будет иметь возможность предоставлять новые займы. Вот что значит сноровка!

И когда флорентийский горожанин Боккаччо рассыпался в комплиментах по адресу Толомеи и, медленно цедя фразы своим тонкогубым ртом, заметил, что не зря ломбардские компании в Париже выбрали мессира Спинелло Толомеи своим капитаном, старик ответил:

– О! Когда занимаешься больше полувека нашим ремеслом, тут уж нечего говорить о личных заслугах, все получается само собой. А будь я действительно ловким человеком, знаешь, что бы я сделал? Скупил бы твои запасы флоринов и забрал бы себе всю прибыль. Но к чему мне это? Ты сам это поймешь позже, Боккаччо, сейчас ты еще слишком молод…

А у Боккаччо на висках уже пробивалась седина.

– … человек, достигнув известного возраста и работая только для себя, испытывает такое чувство, будто он работает впустую. Мне недостает моего племянника. Дела его здесь уладились; уверен, что он ничем не рискует, если вернется. Но он отказывается, этот чертов Гуччо, упрямится, как полагаю, от гордости. Этот огромный дом по вечерам, после того как приказчики разойдутся, а слуги улягутся, кажется мне таким пустым. Порой я даже жалею, что покинул Сиенну.

– Твой племянник, Спинелло, – сказал Боккаччо, – должен был поступить так же, как поступил я, когда оказался в таком же положении после истории с одной парижской дамой. Я забрал своего сына и отвез его в Италию.

Мессир Толомеи покачал головой, думая о том, как печален очаг без детей. Сыну Гуччо должно было на днях исполниться семь лет, а Толомеи еще ни разу его не видел. Этому противилась мать ребенка…

Банкир потер правую ногу, она онемела и не слушалась, будто он ее отсидел. Вот как тащит вас к себе смерть, тащит за ноги понемножку, тащит долгие годы… Вечером, перед тем как лечь в постель, Толомеи прикажет принести таз с горячей водой, чтобы отогреть ногу.

Глава IV

Лжекрестовый поход

– Лорд Мортимер, для моего крестового похода мне понадобятся мужественные и доблестные рыцари наподобие вас, – заявил Карл Валуа. – Быть может, вы сочтете не слишком скромным с моей стороны говорить о «моем крестовом походе», тогда как в действительности это поход самого нашего господа бога, но, признаюсь, и с этим согласятся все, если сие великое предприятие, самое значительное и самое славное, какое только может объединить христианские народы, и впрямь свершится, то оно свершится лишь потому, что я своими собственными руками подготовлю его. Итак, лорд Мортимер, со всей присущей мне чистосердечностью и прямотой я спрашиваю вас: хотите ли вы присоединиться ко мне?

Роджер Мортимер выпрямился в кресле; его лицо слегка помрачнело, а веки наполовину прикрыли серые глаза. Уж не предлагают ли ему, словно мелкому вассалу или неудавшемуся авантюристу, случайно оказавшемуся здесь, командовать отрядом из двадцати рыцарей? Тогда это предложение простая милостыня!

Граф Валуа впервые принял Мортимера, так как все время был занят то делами в Совете, то приемами иностранных послов, то поездками по королевству. Наконец-то Мортимеру удалось увидеть этого человека, правившего Францией, человека, который как раз сегодня возвел в канцлеры одного из своих подопечных, Жана де Шершемона[13 - …возвел в канцлеры одного из своих подопечных, Жана де Шершемона, – 19 ноября 1323 г. Жан де Шершемон, сеньор де Венур из Пуату, каноник собора Парижской Богоматери, казначей Ланского собора, уже был канцлером в конце царствования Филиппа V. Карл IV, взойдя на престол, заменил его Пьером Ро-дье. Но граф Карл де Валуа, чье благорасположение он, видимо, сумел приобрести, вновь назначил его в этот день на прежнюю должность.], и от которого сейчас зависела судьба Мортимера; безусловно, теперешнее положение Мортимера было завидным для бывшего узника, приговоренного к пожизненному заключению, но в то же время тягостным для столь знатного сеньора; он, изгнанник, должен просить и ждать, не предлагая ничего взамен.

Встреча состоялась во дворце Сицилийского короля, который Карл Валуа получил в дар от своего первого тестя, Карла Неаполитанского Хромого, в качестве свадебного подарка. В огромном зале, отведенном для аудиенций, дюжина оруженосцев, придворных и писцов, разбившись на маленькие группки, шептались между собой, поглядывая в сторону своего господина, который, словно настоящий монарх, принимал посетителей, восседая на кресле, вернее на троне с парчовым балдахином. Его высочество Валуа был одет в просторный домашний наряд из голубого бархата, расшитого латинской буквой «V» и лилиями, с большим вырезом спереди, что позволяло видеть меховую подпушку. Руки его были усыпаны перстнями, с пояса на золотой цепочке свисала выгравированная на драгоценном камне личная печать; голову венчал бархатный колпак, схваченный золотым чеканным ободком, нечто вроде короны для неторжественных случаев. Рядом, опираясь о спинку трона, стоял старший сын Карла Валуа – Филипп, жизнерадостный, статный здоровяк с огромным носом, а сбоку сидел на табуретке, вытянув огромные сапожищи из красной кожи, зять Карла – Робер Артуа. В камине пылал целый ствол дерева.

– Ваше высочество, – медленно произнес Мортимер, – если помощь первого среди баронов Уэльской марки, человека, который управлял королевством Ирландия и командовал во многих битвах, может быть вам полезна, я с готовностью окажу ее во имя защиты христианства, и уже сейчас вы можете располагать мною.

Валуа понял, что его собеседник человек гордый; говорит он о своих ленных владениях в Уэльской марке так, словно они все еще принадлежат ему, и что привлечь его на свою сторону можно лишь обходительным обращением.

– Я счастлив, барон, – сказал он в ответ, – видеть, что под знамя короля Франции, вернее, под мое знамя – ибо уже сейчас решено, что мой племянник будет по-прежнему управлять королевством, в то время как я возглавлю крестовый поход, – так вот, повторяю, счастлив видеть, что под мое знамя собираются виднейшие суверенные принцы Европы: мой родственник Иоганн Люксембургский, король Богемии, мой шурин Роберт Неаполитанский и Сицилийский, мой кузен Альфонс Испанский, а также республики Генуя и Венеция, которые по призыву святейшего папы дадут нам галеры. У вас будет неплохое общество, барон, и я позабочусь о том, чтобы все уважали и чтили в вас знатного сеньора, каким вы являетесь. Во Франции, откуда вышли ваши предки и которая была родиной вашей матушки, ваши заслуги сумеют оценить лучше, чем в Англии.

Мортимер молча склонил голову. Заверение есть заверение; придется быть начеку, чтобы оно не осталось пустыми словами.

– Вот уже более пятидесяти лет, – продолжал его высочество Валуа, – в Европе не совершалось ничего великого во имя божье; точнее, со времен моего деда Людовика Святого, который хоть и вознесся на небеса, но оставил после себя на земле жизнь! Неверные, ободренные нашим бездействием, вновь подняли голову и считают себя хозяевами всей земли, совершают опустошительные набеги на побережье, грабят корабли, препятствуют торговле и одним своим присутствием оскверняют святые места. А мы, что сделали мы? Постепенно покинули все наши владения, все наши поселения; ушли из построенных нами крепостей, перестали защищать завоеванные нами священные права. Все это произошло одновременно с упадком Ордена тамплиеров, что было делом рук моего старшего брата – мир праху его, – но я никогда не одобрял расправы с тамплиерами! Однако те времена миновали. В начале нынешнего года к нам прибыли посланцы Малой Армении с просьбой оказать им помощь против турок. Я благодарен моему племяннику, королю Карлу IV, за то, что он понял, какую пользу может принести этот шаг, и одобрил меры, принятые мною в связи с этим; дело дошло до того, что теперь он заявляет, будто ему первому пришла в голову эта мысль! Хорошо уже то, что он верит в крестовый поход, а остальное не столь важно. Таким образом, в скором времени, собрав силы, мы двинемся в поход и нанесем сокрушительный удар по этим варварам в их далеком краю.

Робер Артуа, слышавший эту речь в сотый раз, с проникновенным видом одобрительно кивал головой, но в глубине души его забавляло то, с каким жаром его тесть вещает о высоких материях. Ибо Робер отлично знал истинную подоплеку дела. Знал, что на турок действительно готовится поход, но знал также, что попутно решено немного потеснить и христиан, ведь, как известно, император Андроник Палеолог, правивший Византией, не поклонялся Магомету. Разумеется, тамошняя церковь много хуже здешней и верующие иначе осеняют себя крестным знаменьем, но все-таки осеняют! Однако это не мешало его высочеству Валуа упорно стремиться восстановить под своей эгидой знаменитую Константинопольскую империю, включив в нее не только земли Византии, но и Кипр, Родос, Армению, а также Куртенэ и Лузиньян. Так что после прибытия в дальние края графа Карла со всеми его войсками Андронику Палеологу придется плохо. Его высочество Валуа вынашивал в голове мечты Цезаря…

Впрочем, заметим, что Карл Валуа охотно прибегал к подобной тактике – запросить как можно больше, чтобы получить хоть немного. Так, он уже сделал

попытку уступить возложенное на него командование крестовым походом и свои притязания на Константинопольский престол за маленькое королевство Арль на Роне при условии, что к этому королевству будет также добавлен Вьенн. В начале года об этом велись переговоры с Иоганном Люксембургским, но сделка сорвалась из-за возражений графа Савойского и особенно Неаполитанского короля, который, владея землями Прованса, вовсе не желал, чтобы его беспокойный родич создал по соседству с его государством свое независимое королевство. Тогда его высочество Валуа с особым рвением взялся за подготовку к священному походу. Говорили, что за короной государя, которая ускользнула от него в Испании, в Германии и даже в Арле, ему придется отправиться на другой конец света! Но все то, что было известно Роберу, огласке не подлежало…

– Конечно, еще не все препятствия преодолены, – продолжал его высочество Валуа. – Нам пока не удалось договориться с папой относительно числа рыцарей и их жалованья. Мы считаем необходимым иметь восемь тысяч рыцарей и тридцать тысяч пехотинцев и решили назначить следующую оплату: каждому барону по двадцать су в день, каждому рыцарю – десять; семь су и десять денье – оруженосцам, два су – пехотинцам. А папа Иоанн пытается сократить мою армию до четырех тысяч рыцарей и пятнадцати тысяч пехотинцев; правда, он посулил мне двенадцать вооруженных галер. Он дал нам право на взимание десятины, но оспаривает сумму в миллион двести тысяч ливров в год за пять лет похода, которую мы у него запросили, и не желает предоставить четыреста тысяч ливров, необходимые королю Франции на побочные расходы…

«Из которых триста тысяч ливров уже обещаны любезному дядюшке Карлу Валуа[14 - Из которых триста тысяч ливров уже обещаны любезному дядюшке Карлу Валуа… – Порядок, предложенный Папой после заседания Королевского совета в Жизоре в июле 1323 г., предусматривал, что королю полагается 300 000 ливров из 400 000 ливров побочных расходов. Но было также оговорено, – и тут торчат уши Валуа – что, если король Франции по какой бы то ни было причине не возглавит экспедицию, эта роль по праву перейдет к Карлу де Валуа, который тогда в личном порядке получит предоставленные Папой субсидии.], – подумал про себя Робер Артуа. – За эту плату можно командовать крестовым походом! Но мне-то к чему спорить, ведь я тоже получу свою долю!»

– О! Я не хочу сказать ничего дурного о папе, – воскликнул Валуа, – но если бы вместо моего покойного племянника Филиппа на последнем конклаве в Лионе был я, я сумел бы добиться избрания такого кардинала, который лучше

понимал бы интересы христианства и не был бы так прижимист!

– Особенно с тех пор, как мы в мае этого года вздернули на монфоконской виселице его племянника, – заметил Робер Артуа.

Мортимер повернулся в кресле и удивленно посмотрел на Робера Артуа.

– Племянника папы? Какого племянника?

– Как, кузен, разве вы не знаете? – отозвался Робер Артуа и, воспользовавшись случаем, встал, он не мог долго оставаться без движения. Подойдя к камину, он подтолкнул концом сапога выпавшее из очага полено.

Мортимер уже перестал быть для него «милордом» и превратился в «кузена», так как они установили, что находятся в отдаленном родстве через Фиеннов; скоро он будет просто «Роджер».

– Как, – повторил Робер, – вы не слыхали об удивительном приключении, которое произошло с благородным сеньором Журдэном де Лилем, столь благородным и столь могущественным, что святой отец отдал ему в жены свою племянницу? Да, впрочем, конечно, нет, как вы могли знать? Ведь вы по милости вашего доброго друга Эдуарда томились в узилище. О! Дело совсем пустяковое. И в сущности обошлось бы без шума, не будь этот малый женат на племяннице папы. Этот самый Журдэн, гасконский сеньор, был виновен в кое-каких мелких злодеяниях: воровал, убивал, насиловал женщин, растлевал юных девиц и сверх того баловался с мальчиками. Король, по просьбе папы Иоанна, согласился помиловать его и даже сохранил за ним право на получение доходов с ленного владения, но при условии, что он исправится. Как бы не так! Наш Журдэн вернулся к себе, и вскоре стало известно, что он еще более рьяно взялся за старое, собрал вокруг себя воров, убийц и прочий сброд, который грабил в его пользу и мирян и церковников. Тогда послали королевского сержанта, который явился к нему, как положено – в руках жезл с геральдическими лилиями, – и потребовал от него явки в суд. И знаете, как Журдэн встретил нашего сержанта? Приказал его схватить и избить королевским жезлом, а в завершение всего посадил на этот самый жезл… Ну, тот, понятно, отдал богу душу.

Тут Робер не смог сдержать громовой смех, от которого задрожали стекла окон в свинцовых переплетах. Как весело хохотал его светлость Артуа, в глубине

души одобряя Журдэна де Лиля и чуть ли не завидуя ему во всем, за исключением печального конца! Вот кого бы он охотно взял себе в друзья.

– По правде говоря, никто так и не знает, в чем состояло главное его преступление, – продолжал он, – в том ли, что он убил королевского посланца, или в том, что он осквернил королевские лилии пометом какого-то сержанта! За эти подвиги сира Журдэна сочли достойным вздернуть на монфоконской виселице, куда его торжественно доставили, привязав к хвосту лошади, и повесили в том самом платье, которое ему преподнес его дядюшка папа; вы можете взглянуть на него, если вам приведется побывать в тех краях! Одеяние, правда, стало для него несколько широковато.

И Робер снова захохотал, задрав голову и заложив большие пальцы рук за пояс; его веселье было столь искренним и заразительным, что Роджер Мортимер не выдержал и тоже рассмеялся. Смеялись Валуа и его сын Филипп… Придворные с любопытством поглядывали на них из глубины зала.

В числе других своих милостей судьба посылает нам одну – мы не знаем, какой нас ждет конец. Они были в своем праве, эти четыре знатных барона, они могли веселиться от чистого сердца; одному из них суждено было окончить свои дни через два года, другому оставалось ждать почти день в день семь лет и найти смерть на мостовой некоего города, по улицам которого его тоже протащат, привязав к хвосту лошади.

Этот смех сдружил их. Мортимер вдруг понял, что его допустили во всесильную группу Валуа, и почувствовал облегчение. Он с симпатией посмотрел на его высочество Карла, на это широкое, с багровым румянцем лицо человека, который неумерен в еде, но из-за недостатка досуга, поглощенный государственными делами, не имеет возможности в должной мере заниматься физическими упражнениями. Мортимер не видел Валуа уже очень давно: один раз они встретились в Англии на торжествах по случаю свадьбы королевы Изабеллы и второй раз в 1313 году, когда Роджер сопровождал английского короля, посетившего Париж, дабы впервые принести ленную присягу французской короне. И хотя казалось, что все это было только вчера, на самом деле с тех пор прошло немало лет. Его высочество Валуа был тогда в полном расцвете сил, а ныне он грузный и важный, да и Мортимер прожил уже половину отпущенного ему срока и надеялся прожить столько же, конечно при условии, что господь бог не пожелает сразить его на поле битвы, утопить в море или положить его голову под топор королевского палача. Дожить до тридцати

семи лет было само по себе несомненной удачей, особенно когда имеешь столько завистников и врагов, постоянно рискуешь жизнью на турнирах или на войне, не считая уже полутора лет, проведенных в темнице Тауэра. Ну да ладно! Не надо только терять время и отказываться от новых приключений. В конце концов, мысль о крестовом походе пришлась по душе Мортимеру.

– И когда же, ваше высочество, корабли ваши снимутся с якорей? – спросил он.

– Полагаю, через полтора года, – ответил Валуа. – Я пошлю в Авиньон третье посольство, чтобы окончательно решить вопрос о денежной помощи, индульгенциях и девизе крестового похода.

– О, это будет великолепный набег, лорд Мортимер, и те, кто, нацепив на себя оружие, кичатся своей отвагой при дворе, должны будут делом доказать, что они способны на большее, нежели участие в турнирах, – проговорил молчавший до этого Филипп Валуа, и лицо его порозовело.

Старший сын Карла Валуа уже видел в мыслях раздутые ветром паруса галер, далекие берега, знамена, рыцарей, тяжелый скок французской кавалерии, сминающей неверных, затоптанный копытами лошадей полумесяц, мавританских девушек, захваченных в замках, нагих красавиц-рабынь в цепях… И ничто не помешает Филиппу Валуа утолять свои страсти с этими жирными басурманками. Его широкие ноздри раздувались в предвкушении этой услады. Жанна Хромоножка, его супруга, которую он, разумеется, любит, но боится до смерти, останется во Франции, а в минуты ревности она способна закатить дикую сцену, стоит ему только бросить взгляд на грудь другой женщины. Да, характер у сестрицы Маргариты Бургундской не из легких! Но может же быть, что муж искренне любит свою жену и в то же время, повинуясь природе, вожделеет к другим женщинам. Однако Филиппу требовался по меньшей мере крестовый поход, чтобы он осмелился обмануть Хромоножку.

Мортимер слегка выпрямился и одернул свой черный камзол. Ему не терпелось вернуться к теме, которая имела для него куда большее значение, чем крестовый поход.

– Ваше высочество, – обратился он к Карлу Валуа, – можете считать, что я уже шагаю в ваших рядах. Но я пришел также за тем, чтобы попросить у вас…

Слово было сказано. Бывший наместник Ирландии произнес это слово, без которого ни один проситель ничего не добьется, без которого ни один владыка не окажет поддержки. Просить, испрашивать, обращаться с просьбой… И вовсе не обязательно добавлять что-либо к этим словам.

– Знаю, знаю, – ответил Карл Валуа, – мой зять Робер уже ввел меня в курс дела. Вы просите, чтобы я замолвил за вас слово перед королем Эдуардом. Однако, мой любезный друг…

Поскольку Мортимер «просил», он сразу превратился в «друга».

– Однако я не сделаю такого шага, потому что это бесполезно… и только навлечет на меня новые оскорбления! Знаете, какой ответ ваш король Эдуард передал мне через графа Бувилля? Хотя, конечно, знаете… А ведь у папы уже было испрошено разрешение на этот брак! В какое положение он меня ставит! Смогу ли я теперь обратиться к нему с просьбой, чтобы он вернул ваши земли, восстановил ваши титулы, выгнал – что неизбежно вытекает из вышесказанного – своих мерзких Диспенсеров?

– И тем самым вернул королеве Изабелле…

– Бедная моя племянница! – воскликнул Валуа. – Я знаю, преданный друг, все знаю! Но неужели вы полагаете, что я или король Франции можем заставить короля Эдуарда изменить свои нравы и сменить министров? И не забывайте, что он уже прислал к нам епископа Рочестера с требованием выдать вас. Понятно, мы отказали; мы не пожелали даже принять его епископа! Таков первый мой ответ на оскорбление Эдуарда! Нас связывают с вами, лорд Мортимер, нанесенные нам оскорбления. И если кому-нибудь из нас выпадет случай отомстить, заверяю вас, дорогой милорд, что мстить мы будем вместе.

Мортимер почувствовал, что его охватывает отчаяние, но на лице его не отразилось ничего. Беседа, от которой, если верить обещаниям Робера Артуа, должно было ждать чудес («Мой тесть Карл может все; если он проникнется к вам дружескими чувствами, а это так и будет, победа за вами; в случае надобности склонит на вашу сторону самого папу»)… беседа эта близилась к концу. И что же? Ничего!.. Туманное обещание дать пост военачальника через полтора года в стране турок. Роджер Мортимер уже подумывал покинуть Париж, отправиться к папе; а если и там ему не удастся ничего добиться, что ж, тогда

он обратится к Германскому императору… О! Сколько горьких разочарований несет в себе изгнание. Сбываются предсказания дяди – лорда Чирка…

Но вот в наступившей неловкой тишине раздался голос Робера Артуа:

– А почему бы нам самим не создать повод для мести, о которой вы говорите, Карл?

При дворе один лишь Робер называл графа Валуа по имени, как он привык звать его еще в те времена, когда они были лишь кузенами; к тому же рост, сила и бахвальство давали Роберу особые права.

– Робер прав, – сказал Филипп Валуа. – Можно, например, пригласить короля Эдуарда принять участие в крестовом походе и там…

Он закончил свою мысль неопределенным жестом. Оказывается, у Филиппа, у этого верзилы, богатое воображение! Он уже представлял себе, как они переходят реку вброд или, еще лучше, предпринимают вылазку верхами в пустыне, где им встречается толпа язычников; Эдуард ввязывается в бой, они преспокойно бросают его, и он попадает в руки турок… Вот это настоящая месть!

– Никогда, – вскричал Карл Валуа, – никогда Эдуард не присоединит свои войска к моим. Да и можно ли вообще говорить о нем как о христианском владыке? Только мавры придерживаются подобных нравов!

Несмотря на этот приступ негодования, Мортимера охватило беспокойство. Слишком хорошо он знал, чего стоили уверения принцев, знал, как еще вчерашние враги могут завтра примириться, если это принесет им выгоду. Вдруг его высочеству Валуа взбредет в голову мысль для вящей славы своего крестового похода пригласить Эдуарда, и вдруг Эдуард сделает вид, что согласен…

– Если бы вы даже и предложили, ваше высочество, – промолвил Мортимер, – весьма маловероятно, что король Эдуард ответит на ваше приглашение; он любит игрища, но презирает оружие, и уверяю вас, что в битве при Шрусбери вовсе не он победил меня. Мы проиграли из-за неудачных распоряжений Томаса Ланкастера. Оправдывая свой отказ, Эдуард сошлется, и не без основания, на ту

опасность, которую представляют собой шотландцы…

– Зато я был бы не прочь видеть шотландцев среди крестоносцев, – воскликнул Валуа.

Робер Артуа неторопливо похлопывал своими широкими ладонями. Крестовый поход был ему совершенно безразличен, и, откровенно говоря, он не испытывал ни малейшей охоты участвовать в нем. Прежде всего его укачивало в море. На земле все что угодно, но только не на воде – на корабле грудной младенец даст сто очков гиганту Артуа! Да и к тому же в первую очередь он мечтал вернуть себе графство Артуа, а если ему придется целых пять лет скитаться где-то в заморских странах, то вряд ли это приблизит его к цели. Константинопольский трон не входил в его наследство, и его ничуть не пленяла перспектива оказаться в один прекрасный день в роли коменданта какого-нибудь плешивого, затерянного в море островка. Не интересовала его и торговля пряностями или похищение турчанок; Париж был полон гурий за пятьдесят су и горожанок, обходившихся и того дешевле; а его супруга, мадам Бомон, дочь Карла Валуа, охотно закрывала глаза на мужнины шалости. Таким образом, Робер изо всех сил старался оттянуть начало похода и, делая вид, что содействует ему, на самом деле силился всячески задержать его подготовку. У него имелся свой план, и не зря он привел Роджера Мортимера к своему тестю.

– А я вот что думаю, Карл, – сказал он. – Благоразумно ли оставлять на столь длительный срок французское королевство без мужчин, без рыцарства, а главное без вашего руководства, на милость короля Англии, который недвусмысленно доказал, что не желает нам добра.

– Замки подготовятся к обороне, Робер, и, кроме того, мы оставим в них сильные гарнизоны, – ответил Валуа.

– Но кто защитит королевство в наше отсутствие, без дворянства, без большинства рыцарей и, главное, без вас, нашего великого полководца? Уж не коннетабль ли, которому скоро стукнет семьдесят пять! Диву даешься, как это он еще держится в седле. Наш король Карл? Если, по словам лорда Мортимера, Эдуард чувствует себя не особенно уютно на поле боя, то наш любезный кузен понимает в бранных делах и того меньше. Да и что он вообще умеет делать? Только красоваться перед своим народом, чтобы все любовались его свежим цветом лица да улыбкой? Было бы безумием оставлять Эдуарду поле

для гнусных происков, не ослабив его предварительно ловким ударом.

– Тогда поможем шотландцам, – предложил Филипп Валуа. – Высадимся в Шотландии и будем сражаться бок о бок с ними. Я лично готов отправиться туда хоть сегодня.

Робер Артуа нагнул голову, чтобы не выдать своих мыслей. Ну и наделает дел наш доблестный Филипп, если ему поручат командовать экспедицией в Шотландию! Наследник Карла Валуа уже однажды показал, на что он способен; было это в Италии, куда его послали поддерживать папского легата против миланских Висконти. Филипп горделиво прибыл со своим войском, а затем Галеаццо Висконти так ловко обвел его вокруг пальца, что посланец Франции постепенно уступил ему все, считая, что все выиграл, и вернулся домой, не дав ни одного даже самого ничтожного сражения. Поэтому-то надо следить в оба, чтобы этот молодец опять чего-нибудь не выкинул!
Это не мешало Филиппу Валуа быть лучшим и самым близким другом Робера, не говоря уже о том, что они были родственниками, но ведь и о своем друге можно думать все что угодно при условии, что он об этом не знает.

Роджер Мортимер слегка побледнел, услыхав предложение Филиппа Валуа. Ибо, хотя он был соперником и врагом короля Эдуарда, Англия все же была его родиной!

– В настоящее время, – проговорил он, – шотландцы ведут себя более или менее миролюбиво и склонны соблюдать договор, который они сумели навязать Эдуарду в прошлом году.

– Вечно Шотландия, Шотландия, – поддержал его Робер. – Чтобы попасть в Шотландию, нужно переплыть море! Побережем лучше наши корабли для крестового похода. Возможно, у нас найдется более подходящее место, чтобы досадить этому ничтожеству Эдуарду. Он не принес нам присяги верности за Аквитанию. Если мы принудим его явиться во Францию для защиты своих прав на это герцогство и, кстати, разобьем его, то мы, во-первых, отомстим ему, а во-вторых, во время нашего отсутствия он не посмеет поднять голову.

Валуа вертел свои перстни и размышлял. Снова Робер показывал себя разумным советчиком. Хотя Робер просто бросил идею, Валуа уже предугадывал все ее выгоды. Тем более что Аквитания не была для него неведомым краем; он уже

воевал там, провел в тех краях свою первую крупную и победоносную кампанию в 1294 году.

– Разумеется, это будет хорошей подготовкой для наших рыцарей, которые уже давно по-настоящему не воевали, – сказал он, – к тому же мы сможем испытать пороховые жерла, их уже начинают применять итальянцы, а нам их предложил поставить наш старый приятель Толомеи. И в самом деле, французский король имеет право взять Аквитанское герцогство под свою руку, коль скоро ему не была принесена присяга верности… – На мгновение он задумался. – Но это не обязательно приведет к вооруженной схватке, – заключил он. – Как всегда, начнутся переговоры, и дело возьмут в свои руки парламенты и посольства. В конце концов присяга будет принесена, хотя бы скрепя сердце. Нет, этот повод не годится.

Робер Артуа снова сел, положив локти на колени и подперев подбородок кулаками.

– Можно подыскать более веский предлог, нежели отказ от присяги, – начал он. – По-моему, кузен Мортимер, вы не хуже нас знаете обо всех трудностях, дрязгах и спорах, возникавших из-за Аквитании, с тех пор как герцогиня Алиенора, наставив достаточно развесистые рога своему первому супругу, нашему королю Людовику VII, когда их брак был расторгнут, легкомысленно преподнесла вместе со своей жаждущей утех плотью и свое герцогство вашему королю Генриху II Английскому. Известно вам, конечно, и о договоре, которым славный король Людовик Святой, задавшись целью все дела решать по справедливости, намеревался положить конец тянувшейся сто лет войне[15 - …тянувшейся сто лет войне. – Обычно забывают, что у Франции с Англией были две столетние войны. Окончанием первой (1152–1259) считается заключение Парижского договора между Людовиком Святым и Генрихом III Плантагенетом, хотя между 1259 и 1338 гг. обе страны еще два раза вступали в вооруженный конфликт, и по-прежнему из-за Аквитании (в 1294-м и, как увидим, в 1324 г.). Во второй же Столетней войне, начавшейся в 1328 г., предметом спора будет уже не Аквитания, но наследование французского престола.]. Но справедливость ничто, когда речь идет об установлении добрых отношений между королевствами. Договор, который Людовик Святой заключил в благодатный 1259 год с Генрихом III Плантагенетом, создал настолько сложное и запутанное положение, что сам черт ногу сломит. Даже сенешаль Жуанвилль, двоюродный дед вашей супруги, кузен Мортимер, безгранично преданный святому королю, советовал ему не подписывать этого договора. Давайте признаем открыто, этот

договор был просто глупостью.

Роберу хотелось добавить: «Как, впрочем, и все, что сделал Людовик Святой, который был самой зловещей фигурой среди всех французских королей. Его разорительные крестовые походы, состряпанные на скорую руку договоры, привычка все видеть только в черном и белом цвете… О! Как бы повезло Франции, не будь этого царствования! И однако после смерти Людовика Святого люди жалеют о нем, видно, коротка их память, раз они вспоминают лишь о правосудии, которое он вершил под дубом, разбирая тяжбы простого люда и отрывая драгоценное время от государственных дел!»

Но вслух Робер сказал:

– Со дня смерти Людовика Святого не прекращаются споры и пререкания, договоры то заключаются, то отвергаются; если и приносят присягу верности, то с оговорками, беспрестанно заседающие парламенты то осуждают, то оправдывают, а в герцогстве мятеж следует за мятежом, и идут все новые и новые судебные разбирательства. Кстати, Карл, – повернулся Робер к Валуа, – под каким предлогом посылал вас в Аквитанию ваш брат Филипп Красивый? Помнится, вы там навели тогда отменный порядок.

– В Байонне произошли в то время большие волнения: между французскими и английскими моряками дошло до рукопашной, пролилась кровь.

– Так вот, – воскликнул Робер, – давайте-ка придумаем повод для новых волнений в Байонне. Добьемся того, чтобы подданные обоих королей схватились и чуточку поубивали друг друга. Кажется, я нашел подходящее место.

Он ткнул своим огромным указательным пальцем в сторону своих собеседников и продолжал:

– В Парижском договоре, подтвержденном при заключении мира в 1303 году, пересмотренном законниками в Периге в 1311 году, было оговорено существование отдельных привилегированных сеньорий, которые, находясь на земле Аквитании, тем не менее остаются под прямой властью короля Франции. А у этих сеньорий в свою очередь имеются вассальные земли, которые тоже находятся в Аквитании. Вопрос же о том, подлежат эти земли непосредственно власти короля Франции или же герцога Аквитанского, до сих

пор не решен. Понятно?

– Понятно, – отозвался его высочество Валуа.

Но его сын Филипп ничего не понял. Его большие голубые глаза моргали так беспомощно, что отец, сжалившись, объяснил ему:

– Ну как же, сын мой. Вообрази, что я отдаю тебе весь этот дворец как бы в ленное владение, но оставляю за собой право свободного пользования и распоряжения залом, где мы сейчас сидим. Однако к этому залу примыкает небольшая комнатка, в которую ведет вот та дверь. Кто из нас двоих имеет право пользоваться этой комнатой, на ком лежит обязанность обставить ее мебелью и убирать? – И вновь обратившись к Роберу, добавил: – Только нужно придумать столь серьезную акцию, чтобы Эдуард не мог на нее не ответить.

– Есть у нас одна сеньория, словно нарочно для этого уготованная, – ответил гигант, – это земля Сен-Сардо в приорстве Сарлат Перигезской епархии. Вопрос о ее статуте уже обсуждался, и Филипп Красивый заключил с приором Сарлата договор, по которому король Франции становится совладельцем этой сеньории. Эдуард I обращался с апелляцией по этому поводу в парижский парламент, но тот не вынес окончательного решения. Что будет делать король Англии, герцог Аквитании, если французский король, совладелец Сарлата, предпримет постройку крепости в Сен-Сардо, с тем чтобы разместить в ней крупный гарнизон, отчасти угрожающий окрестностям?[16 - …с тем чтобы разместить в ней крупный гарнизон, отчасти угрожающий окрестностям? – Это пример крайней запутанности, к которой пришла феодальная система, которую обычно полагают весьма простой; она и в самом деле была таковой, пока не задохнулась в противоречиях, порожденных ее же применением. Надо вполне сознавать, что вопрос о Сен-Сардосе, или Аквитанское дело, был, по сути, не исключением, то же самое случилось с Артуа, с Фландрией, с Валлийской Маркой, с испанскими королевствами, с Сицилией, с немецкими княжествами, с Венгрией – со всей Европой.] Надо полагать, отдаст приказ своему сенешалю воспротивиться этому и тоже захочет разместить в сеньории гарнизон. При первой же стычке между солдатами двух королевств, при первой же грубости в отношении королевского офицера…

Робер выразительно развел свои огромные ручищи, словно вывод напрашивался сам собой. И его высочество Валуа, весь в голубом бархате, расшитом золотом, поднялся с трона. Он уже видел себя в седле во главе войска; он вновь

отправится в Гиэнь, где тридцать лет назад прославил короля Франции!

– Я поистине восторгаюсь вами, брат мой! – воскликнул Филипп Валуа. – Вы, столь знатный рыцарь, знаете юридические тонкости не хуже легистов.

– Ба, брат мой, да было бы вам известно, в том нет заслуги с моей стороны. Не по влечению сердца мне пришлось изучить так основательно все обычаи Франции и решения парламентов; в этом повинна моя тяжба из-за графства Артуа. Но поскольку до сих пор мне эти знания ни разу не сослужили службы, пусть они помогут хотя бы моим друзьям, – добавил Робер, слегка склоняясь перед Роджером Мортимером, словно все это затевалось исключительно ради него.

– Ваш приезд – большая для нас подмога, мессир барон, – добавил Карл Валуа. – Наши цели едины, и мы не преминем в узком кругу обратиться к вам за советом относительно этого дела… Да поможет нам господь!

Мортимер растерялся, голова у него пошла кругом. Он ничего не сделал, ничего не сказал и не предложил, они воспользовались его присутствием, дабы осуществить свои заветные чаяния. И теперь от него требуют принять участие в войне против его собственной страны, не оставляя ему иного выбора.

Итак, если будет на то божья воля, французы на французской земле пойдут войной на французских подданных английского короля при поддержке знатного английского барона и на деньги, данные папой для освобождения Армении от турок.

Глава V

Ожидание

Прошла осень, за ней зима, весна и начало лета. Лорд Мортимер видел, как над Парижем пронеслись все четыре времени года, видел непроходимую грязь на узких парижских улицах, видел снег на широких крышах аббатств и лугах Сен-Жермен, видел затем, как распускаются почки деревьев на берегах

Сены и солнечные лучи играют на квадратной башне Лувра, на круглой Нельской башне и на острие шпиля Сент-Шапель.

Изгнаннику всегда приходится ждать. Считается, что это не только его роль, но чуть ли не обязанность. Он ждет, пока ему наконец улыбнется судьба. Ждет, когда люди в стране, где он нашел себе убежище, закончат свои собственные дела и вспомнят наконец о его делах. Первое время изгнанник и его злоключения вызывают любопытство, каждый хочет завладеть им, как диковинкой, но вскоре присутствие его начинает утомлять и даже становится стеснительным. Все видели в нем немой упрек. Но нельзя же заниматься им с утра до вечера; он проситель, он, в конце концов, может и потерпеть!

Итак, Роджер Мортимер ждал, так же как ждал он два месяца в Пикардии у своего кузена Жана де Фиенна возвращения французского двора в Париж, как ждал он, чтобы его высочество Валуа выкроил среди всех своих обязанностей свободный час и принял его… Теперь он ждал войны в Гиэни, пройти через которую, казалось, было предначертано ему самой судьбой.

О, его высочество Валуа не мешкал. Королевские сановники, по совету Робера, действительно наметили в Сен-Сардо на спорных угодьях сеньории Сарлат место для закладки фундамента крепости; но крепость не возведешь в один день, даже в три месяца; поначалу действия французов не особенно встревожили подданных английского короля. Поневоле приходилось ждать инцидента.

Роджер Мортимер использовал свой досуг для ознакомления с французской столицей, которую он лишь мельком видел десять лет назад, во время короткого путешествия, и, бродя по Парижу, старался понять великий народ Франции, которого он почти не знал. Могучая, славная нация и столь отличная от Англии! А ведь живущие на разных берегах моря считали, что походят друг на друга, ибо знать обеих стран происходила от общих предков; но сколько же различий обнаруживалось при ближайшем знакомстве! Все население Англии с ее двумя миллионами душ составляло меньше одной десятой подданных короля Франции. Общее число французов равнялось приблизительно двадцати двум миллионам. В одном Париже насчитывалось триста тысяч душ[17 - В одном Париже насчитывалось триста тысяч душ… – Эти цифры рассчитаны историками на основании документов XIV в. Исходя из количества приходов и умерших на один приход получается в среднем по одному умершему на четырех живых,

что вполне соотносится с периодом около 1328 г.За время второй Столетней войны битвы, голод и эпидемии сократили общую численность населения больше чем на треть; только через четыре века Франция вновь достигнет того уровня населенности и благосостояния, которые были у нее при Филиппе Красивом и его сыновьях. Еще в начале XIX в. можно было заметить, что в пяти французских департаментах средняя плотность населения ниже цифр 1328 г. И даже в наши дни некоторым городам, процветавшим в средние века и разоренным Столетней войной, еще далеко до их былого положения. Уже по одному этому можно судить, во что обошлась эта война нации.], в то время как в Лондоне – всего сорок тысяч. А какое оживление на улицах, какой расцвет торговли и ремесел, золото льется рекой! Чтобы убедиться в этом, достаточно было пройти по Мосту менял или вдоль набережной Золотых дел мастеров и послушать, как стучат в глубине лавок маленькие молоточки, кующие золото; пересечь, зажав нос, Большой мясной ряд за Шатле, где работали потрошильщики и живодеры; прогуляться по улице Сен-Дени, где расположились галантерейщики; пощупать ткани на прилавках суконщиков… А сравнительно тихая Ломбардская улица, которую лорд Мортимер теперь хорошо изучил, была местом крупных сделок.

Около трехсот пятидесяти корпораций и цехов возглавляли и объединяли все эти ремесла; и у каждого цеха были свои законы, свои обычаи и свои праздники. И, пожалуй, дня не проходило без того, чтобы, выслушав мессу и обсудив свои дела, мастера и их подручные не собирались на пир; то это были шляпники, то свечники, то кожевники… На холме Сент-Женевьев целое племя богословов и докторов в колпаках вели диспуты на латыни, и отзвуки их контроверзов об апологетике или принципах Аристотеля порождали споры во всем христианском мире.

У знатных баронов и прелатов, у королей многих иностранных держав в городе имелись свои особняки, где они держали нечто вроде двора. Знать посещала главным образом улицы квартала Ситэ, Торговую галерею Пале-Рояля и держалась поблизости от отелей Валуа, Наваррского, Артуа, Бургундского, Савойского. Любой из этих отелей был как бы постоянным представительством крупных ленных владений; здесь сосредоточивались интересы каждой из этих провинций. И город рос, рос без конца и края, пригороды его уже оттесняли сады и леса, выплескивались за городские стены, возведенные Филиппом-Августом, но почти исчезнувшие под натиском новых построек.

Стоило только отъехать от столицы туда, где простирались поля, и путник без труда убеждался, что французская деревня процветает. Зачастую у простых свинопасов и пастухов были собственные виноградники или поля. Женщины, занимавшиеся полевыми работами или каким-либо иным трудом, отдыхали в субботу после обеда, хотя им и оплачивалось это время; впрочем, в субботу вообще почти повсюду работа прекращалась в три часа дня. В дни многочисленных церковных праздников, так же как и в цеховые праздники, тоже не работали. И все же люди сетовали на свою судьбу. Правда, жаловались они главным образом на подати и налоги, как все народы во все времена жаловались на то, что они работают на других и никогда по-настоящему не могут располагать ни самими собой, ни плодами своих трудов. А объяснялось это тем, что во Франции, несмотря на ордонансы Филиппа V, которым следовали не слишком-то охотно, было значительно больше крепостных, чем в Англии, где большинство крестьян были свободными людьми, – им вменялось в обязанность иметь снаряжение для службы в армии; английские крестьяне были даже представлены в королевских советах и могли таким образом требовать у монархов принятия угодных им хартий.

Зато среди французской знати не существовало таких глубоких противоречий, как среди английской; конечно, и тут встречалось немало заклятых врагов, чья вражда была порождена личными интересами, таких, например, как граф Робер Артуа и его тетка Маго; среди дворянства возникали кланы и группировки, но вся знать была заодно, когда дело касалось их общих интересов или защиты королевства. Во Франции идея нации была более определенной и укоренилась глубже. Если и существовало сходство между державами, то в ту пору оно определялось личностью их правителей. И в Лондоне и в Париже короны достались людям слабым, которым были чужды подлинные заботы о благе страны, а владыка, не пекущийся о государстве, является таковым лишь по имени.

Мортимер представился королю Франции, виделся с ним несколько раз, но не составил себе высокого мнения об этом двадцатидевятилетнем монархе, которого сеньоры обычно именовали Карлом Красивым, а народ – Карлом Красавчиком, ибо хотя ростом и лицом он пошел в отца, под благообразной внешностью, увы, скрывалась скудость ума.

– Нашли ли вы подходящее жилье, мессир Мортимер? С вами ли ваша супруга? Ах! Как вам, должно быть, тоскливо без нее! Сколько детей она вам родила?

Вот и все, что изволил сказать король изгнаннику, и всякий раз, видя его, он повторял свои вопросы: «С вами ли ваша супруга? Сколько детей она вам родила?» – успев забыть с прошлой встречи ответы Мортимера. Его, по-видимому, интересовали только домашние и семейные дела. Злосчастный брак с Бланкой Бургундской, рана от которого еще не затянулась, был расторгнут, причем Карл показал себя в этой истории не с лучшей стороны. Его высочество Валуа тотчас же женил его вторично на Марии Люксембургской, юной сестре короля Богемии, с которым Валуа как раз в тот момент мечтал сговориться относительно королевства Арль. Теперь Мария Люксембургская была беременна, и Карл Красивый окружал ее заботами, подчас даже бестолковыми.

Неопытность короля в управлении страной не мешала Франции вмешиваться в дела всего мира. Совет управлял от имени короля, а его высочество Валуа – от имени Совета; ничто, казалось, не могло свершиться без слова Франции. Папе непрерывно давались наставления, и самый быстрый гонец, Робэн Кюис-Мариа, которому платили по восемь ливров и несколько денье – настоящее богатство – за поездку в Авиньон, непрестанно доставлял пакеты, по дороге забирая лошадей в монастырях. Гонцы посылались во все королевские дворы: Неаполитанский, Арагонский, Германский. Особенно пристально следили за всем, что творилось в Германии, – Карл Валуа и его кум Иоганн Люксембургский изрядно потрудились, добиваясь от папы отлучения от церкви императора Людвига Баварского лишь для того, чтобы корона Священной империи досталась… кому же? Да самому Карлу Валуа! Карл упрямо стремился осуществить свою давнишнюю мечту. Всякий раз, когда трон Священной империи пустовал по божьей или человеческой воле, его высочество Валуа тут же выставлял свою кандидатуру. Одновременно продолжалась подготовка к крестовому походу, и нельзя было не признать, что если бы поход возглавил император, это произвело бы весьма сильное впечатление не только на язычников, но и на христиан.

Но была еще Фландрия, та самая Фландрия, что составляла предмет постоянных забот французской короны и продолжала доставлять ей неприятности: стоило графу Фландрскому изъявить свою верность королю Франции, как начинал бунтовать народ, и графу приходилось выступать против короля, чтобы успокоить своих подданных. Наконец, много хлопот причиняла Англия, и Роджера Мортимера приглашали теперь к Валуа всякий раз, когда обсуждались английские дела.

Мортимер снял себе жилище около особняка Робера Артуа, на улице Сен-Жермен де Пре, напротив Наваррского отеля. Джерард Элспей, не расстававшийся с ним со дня побега из Тауэра, вел дом, брадобрей Огл выполнял роль камердинера, у Мортимера же нашли пристанище еще несколько изгнанников, вынужденных покинуть родину из-за ненависти Диспенсеров. Среди них был Джон Мальтраверс, английский сеньор – сторонник Мортимера, который, так же как и он, был потомком одного из соратников Вильгельма Завоевателя и которого объявили врагом английского короля. У этого Мальтраверса была длинная мрачная физиономия, длинные редкие волосы и огромные зубы; он ужасно походил на своего коня. Мальтраверс был не слишком приятным компаньоном – главным образом потому, что без видимой причины заливался раскатистым, похожим на ржанье смехом, от которого всякий раз вздрагивали присутствующие. Но в изгнании друзей не выбирают; друзей вам дарит общее несчастье. Через Мальтраверса Мортимер узнал, что его жену перевели в замок Скиптон в графстве Йоркшир, придав ей в качестве свиты придворную даму, конюшего, прачку, слугу и пажа; узнал он также, что получает она тринадцать шиллингов и четыре денье в неделю содержания на себя и своих людей, это было равносильно тюремному заключению.

А участь королевы Изабеллы изо дня в день становилась все более мучительной. Диспенсеры грабили, обирали и унижали ее терпеливо, методически, жестоко. «Мне не принадлежит больше ничего, кроме моей жизни, – велела она передать Мортимеру, – но я весьма опасаюсь, что и ее у меня собираются отнять. Поторопите моего брата выступить на мою защиту».

А король Франции твердил: «С вами ли ваша супруга? Есть ли у вас сыновья?..» – и не было у него иных мнений, кроме мнений его высочества Валуа, а тот все ставил в зависимость от успеха или неуспеха своих действий в Аквитании. А что если к тому времени Диспенсеры убьют королеву?

– Не посмеют, – отвечал Валуа.

Кое-какие новости Мортимер получал через банкира Толомеи, который переправлял его почту за Ла-Манш. Ломбардцы наладили почтовую связь куда искуснее, чем двор, и их юнцы умели более ловко припрятать в случае надобности письмо. Таким образом, переписка между Мортимером и епископом Орлетоном почти не прерывалась.

Епископ Герифордский дорого заплатил за то, что устроил побег Мортимера, но он был человек смелый и не уступал королю. Когда его, прелата, впервые в истории Англии, вынудили предстать перед светским правосудием, он отказался отвечать на вопросы обвинителей, и его поддержали все архиепископы королевства, усмотревшие в действиях короля угрозу своим привилегиям. Эдуард продолжал процесс, добился осуждения Орлетона и приказал конфисковать его имущество. Кроме того, король обратился к папе, прося его сместить епископа как бунтаря; в этих условиях было очень важно, чтобы его высочество Валуа оказал воздействие на Иоанна XXII, а тот воспрепятствовал бы отставке епископа, которая привела бы Орлетона на плаху.

В весьма щекотливом положении очутился и Генри Кривая Шея. В марте Эдуард передал ему титулы и имущество казненного брата, в том числе и большой замок Кенилворт. Затем, узнав, что Генри, теперь уже граф Ланкастерский, направил Орлетону дружеское послание с выражением сочувствия, Эдуард обвинил его в государственной измене.

– А ваш король по-прежнему отказывается платить нам. Коль скоро вы видитесь с его высочеством Валуа и графом Артуа и находитесь в дружеских с ними отношениях, – говорил Толомеи, – не могли бы вы напомнить им, милорд, о пороховых жерлах, которые недавно были испытаны в Италии и которые в высшей степени пригодны для осады городов. Мой племянник в Сиенне и семейство Барди во Флоренции могут взять на себя их поставку. Эти орудия легче устанавливать, чем громоздкие катапульты, да и разрушений они причиняют побольше. Его высочеству Валуа следовало бы вооружить такими жерлами свое воинство для крестового похода… если, конечно, крестовый поход состоится!

Поначалу женщины проявили немалый интерес к Мортимеру – к этому высокому мужчине с загадочным взглядом, неизменно одетому в черное, суровому и таинственному, все время покусывавшему губу, пересеченную белым шрамом. Десятки раз они требовали, чтобы он рассказывал им о побеге, и под прозрачными корсажами из белого льняного полотна видно было, как взволнованно дышат прекрасные груди. Его низкий, чуть хрипловатый голос, чужеземный акцент, прорывавшийся в некоторых словах, заставляли учащенно биться открытые для любви сердца. Робер Артуа неоднократно пытался толкнуть английского барона в эти страстно ждавшие его объятия; желая отвлечь Мортимера от тягостных мыслей и полагая, что его больше тянет к простонародным развлечениям, он взялся поставлять ему гулящих девок

в любом количестве, поодиночке или пачками. Но Мортимер не поддавался искушениям, и так как он вовсе не был похож на святошу, окружающие начали подумывать, уж не лежат ли в основе столь высокой добродетели те же склонности, что и у английского короля.

Но никто не догадывался об истинной причине этого воздержания. Мортимер, некогда связывавший свой побег из тюрьмы с гибелью ворона, дал зарок целомудрия, считая, что только в этом случае фортуна вновь улыбнется ему. Он поклялся не прикасаться к женщинам до тех пор, пока не вступит на землю Англии и не вернет себе все свои титулы и былое могущество. Такой же рыцарский обет могли дать Ланселот, Амадис или еще кто-нибудь из соратников короля Артура. Однако Роджер Мортимер вынужден был признать, что дал этот обет несколько неосмотрительно, и это в немалой степени омрачало его настроение…

Наконец из Аквитании пришли добрые вести. Крепость, которую возводили в Сен-Сардо, начала вызывать беспокойство у сенешаля английского короля в Гиэни, мессира Бассе, весьма ревниво относившегося к своему престижу особенно потому, что имя его, звучавшее как слово «такса», вызывало дружный смех. Он усмотрел в этом посягательство на права своего повелителя, короля Англии, равно как и оскорбление своей собственной персоны. Собрав немногочисленное войско, он внезапно ворвался в Сен-Сардо, разграбил это местечко, схватил сановников французского короля, наблюдавших за работами, и повесил их на столбах, на которых велел прибить металлические гербы с изображением геральдических лилий, что указывало на принадлежность владения Франции. Мессир Ральф Бассе был не одинок в своей вылазке, несколько окрестных сеньоров оказали ему помощь и поддержку.

Как только об этом сообщили Роберу Артуа, он тотчас же заехал за Мортимером, и они отправились к Карлу Валуа. Не в силах сдержать радость и гордость, его светлость Артуа смеялся громче обычного и щедро раздавал своим близким дружеские тычки, от которых те разлетались в разные стороны. Наконец-то представился подходящий случай, а главное, весь этот план родился в его изобретательной голове!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/moris-druon/francuzskaya-volchica/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Сноски

1

Будьте готовы сегодня вечером, милорд (англ.).

2

Он отправится вместе с нами (англ.).

3

А епископ? (англ.)

4

Он будет ждать вас снаружи, как только стемнеет (англ.).

5

Кто идет? (англ.)

6

Вперед, быстро! (англ.)

7

Тревога! (англ.)

Комментарии

1

Вот уже два часа, как взошло солнце над самой прославленной крепостью Англии… – Тауэр еще в XIV в. представлял собой восточную границу Лондона и даже был отделен от Сити, то есть собственно города, монастырскими садами. Современный мост Тауэр-бридж, разумеется, не существовал; единственный лондонский мост был тогда перекинут через Темзу выше Тауэра по течению.

Если главное сооружение, Белый Тауэр, построенное около 1078 г. по приказу Вильгельма Завоевателя его архитектором монахом Гандульфом, предстает перед нами спустя девятьсот лет почти в своем первоначальном виде – реставрация Врена (Wren), несмотря на расширение оконных проемов, мало что изменила, – то общий вид всего укрепленного ансамбля во времена Эдуарда II изрядно отличался от нынешнего.

Современный пояс укреплений еще не был построен, за исключением башни Святого Томаса и Средней башни, обязанных своим появлением соответственно Генриху III и Эдуарду I. То, что образует сегодня второй пояс, было тогда внешними стенами – этот пятиугольный ансамбль с двенадцатью башнями построил Ричард Львиное Сердце и постоянно переделывали его преемники.

Можно наблюдать удивительную эволюцию средневекового стиля на протяжении одного века, сравнивая Белый Тауэр (конец XI в.), где, несмотря на огромность массы, в форме и пропорциях сохраняется воспоминание о древних галло-римских виллах, и окружающие укрепления Ричарда Львиное Сердце (конец XII в.) – вторая постройка уже имеет характеристики классического замка типа Шато-Гайара во Франции, возведенного самим Ричардом I, или более поздних анжуйских построек в Неаполе.

Белый Тауэр остался единственным практически нетронутым монументом, свидетельствующим о стиле начала тысячелетия, потому что им постоянно пользовались на протяжении веков.

2

Констебль. – Слово «констебль» (constable), искаженное «коннетабль» (connetable), которое обозначает в наши дни офицера полиции, было официальным титулом коменданта Тауэра. Констеблю помогал бывший у него

в подчинении лейтенант. Эти две должности, впрочем, существуют и поныне, но стали чисто почетными – на них назначаются прославившие себя военные в конце карьеры. Действительные функции коменданта Тауэра в наши дни осуществляет майор*, который тоже является генералом. Как видим, в званиях тут полная противоположность тому, что наблюдается в армии.

* Майор проживает в Тауэре, в Доме Короля – или Королевы, – постройке эпохи Тюдоров, примыкающей к Колокольной башне; первые королевские покои, которые датируются временем Генриха I, были снесены при Кромвеле. Равным же образом в эпоху нашего рассказа – в 1323 г. – существовала лишь романская часть современной часовни Святого Петра.

3

…он перебил целую армию короля Франции. – В 1054 г., против короля Генриха I Французского. Роджер I Мортимер, внук Херфаста Датского, был племянником Ричарда I Бесстрашного, третьего герцога Нормандского, деда Вильгельма Незаконнорожденного, то есть Вильгельма Завоевателя.

4

Один шиллинг! – Шиллинг в ту эпоху был денежной единицей, но не монетой в собственном смысле слова. То же самое с фунтом и маркой. Самой крупной из ходивших тогда монет был пенни. Надо ждать царствования Эдуарда III, чтобы увидеть появление золотых монет – флоринов и ноблей. Серебряный шиллинг начнут чеканить только в XVI в.

5

…на этой стороне крепости. – Очень вероятно, в башне Бичем (Beauchamp), которая, правда, еще не носила это название. Она стала так называться лишь с 1397 г., из-за заточенного в ней Томаса Бичема, графа Уорвика, который был – любопытное совпадение – внуком Роджера Мортимера. Башня, построенная при Эдуарде II, во времена Мортимера была совсем недавним сооружением.

Окошки отхожих мест были слабым звеном укрепленных построек. Именно через отверстие подобного рода солдаты Филиппа Августа смогли после долгой осады, грозившей оказаться напрасной, проникнуть ночью в Шато-Гайар – большую французскую крепость Ричарда Львиное Сердце.

6

А когда парламент собрался, вопрос этот даже не поставили. – Наименование «парламент», означающее, собственно, «собрание», прилагается и во Франции, и в Англии к учреждениям общего происхождения (поначалу это было расширением curia regis), но вскоре принявшим совершенно разные формы и полномочия.

Французский парламент, сначала разъездной, потом закрепленный в Париже еще до того, как в провинции были учреждены второстепенные парламенты, являлся юридической ассамблеей, действующей по приказу и от имени государя. Члены парламента сначала назначались королем лишь на время юридической сессии, но начиная с конца XIII – начала XIV в., то есть с царствования Филиппа Красивого, стали пожизненными. Французскому парламенту довелось познать и крупные конфликты личных интересов, и процессы, сталкивающие частных лиц с короной, и важные для жизни государства уголовные дела, и споры из-за толкования обычаев, всего вообще, что касалось законодательства королевства в целом, включая даже закон о наследовании трона (как это случилось в начале царствования Филиппа V). Но, повторяем, роль парламента и его полномочия были исключительно судебными и юридическими. Его политическая власть основывалась лишь на том, что ни один королевский ордонанс, эдикт, указ о помиловании и т. д. не были действительны без регистрации и утверждения этим самым парламентом; но по-настоящему пользоваться силой своего отказа он начал только в конце XIV – начале XV в., когда монархия оказалась ослабленной.

Английский же парламент был собранием одновременно судебным, поскольку туда отзывались крупные государственные дела, и уже политическим. Никто не заседал там по праву; это всегда был лишь своего рода расширенный Большой совет, куда государь призывал кого хотел, то есть членов своего Малого совета, крупных вельмож королевства, как мирских, так и церковных, а также представителей графств и городов, выбранных в основном шерифами. Изначально политическая роль английского парламента должна была ограничиваться двойной информационной миссией: король осведомлял там представителей своего народа, избранных им самим, об общих решениях, которые намеревался принять; а эти представители в свою очередь осведомляли государя (либо посредством подачи прошений, либо изустно) о пожеланиях различных классов или административных областей, к которым принадлежали.

В теории король Англии был единственным хозяином своего парламента, который оставался, в общем, лишь его привилегированной аудиторией, у которой он не требовал ничего иного, кроме как символического и пассивного одобрения своей политики. Но едва только короли Англии оказывались в серьезных затруднениях или же им случалось проявить себя слабыми либо дурными правителями, парламенты, которые они сами же и набрали, становились гораздо более требовательными, притязали на откровенно обсуждающую роль и диктовали государям свою волю. По крайней мере, тем уже приходилось считаться с высказанными мнениями.

Члены парламентов всегда держали в голове прецедент Великой хартии вольностей, навязанной в 1215 г. Иоанну Безземельному его же баронами, которая, по сути, являлась упорядочиванием английских свобод. Второй прецедент был создан в 1311 г., когда Эдуарда II вынудили принять хартию, согласно которой подле короля учреждался совет распорядителей из крупных баронов, избранных парламентом, который действительно осуществлял власть от имени государя. Эдуард II всю жизнь боролся против его решений, сначала отвергая их, потом подчиняясь после своего поражения в 1314 г. от шотландцев. По-настоящему он избавился от них, на свою беду, только в 1322 г., когда борьба за влияние расколола распорядителей и он смог раздавить в битвах при Шрусбери и Боробридже партию Ланкастера – Мортимера, поднявших против него оружие.

Напомним, наконец, что английский парламент не был привязан к определенному месту и государь мог его созвать или потребовать созыва в любом городе королевства, где бы сам ни находился.

7

Неужто это можно назвать изменой? – В 1318 г., то есть пятью годами раньше, Роджер Мортимер из Уигмора, назначенный Верховным судьей и наместником английского короля в Ирландии, разбил, командуя войском баронов Марки, Эдуарда Брюса, короля Ирландии и брата короля Роберта Брюса Шотландского. Захват и казнь Эдуарда Брюса отметили конец ирландского королевства. Но английская власть там еще долго не могла установиться.

8

Скорее уж они выступили, отстаивая право на графство Глостер… – История с графством Глостер, весьма темная и запутанная, родилась из невероятных притязаний, заявленных на него Хьюгом Диспенсером-младшим, не имевшим ни малейшего шанса, не будь он фаворитом короля. Хьюг-младший, не удовлетворившись получением Гламоргана как части приданого своей жены, потребовал в обход шуринов, и в частности Мориса Беркли, все владения покойного графа, своего тестя. Против этого ополчилась вся знать запада Англии, и Томас Ланкастер возглавил оппозицию с тем большим пылом, что в стане противников находился его злейший враг, граф Уоренн, похитивший его молодую жену, красавицу Элис. Диспенсеры, на некоторое время изгнанные постановлением парламента, принятым под давлением вооруженных сторонников Ланкастера, вскоре вернулись назад, поскольку Эдуард не мог жить ни без своего любовника, ни под опекой своего кузена Томаса. Возвращение Диспенсеров к власти стало поводом для возобновления смуты. Но Томас Ланкастер, столь же незадачливый в войне, как и в браке, весьма плохо руководил коалицией. Не придя вовремя на помощь баронам Валлийской марки, он позволил разбить их в январе 1322 г. на западе, при Шрусбери, где в плен попали оба Мортимера, а сам, напрасно ожидая в Йоркшире шотландских подкреплений, был разбит через два месяца при Боробридже и сразу после этого приговорен к смерти.

9

…он, несомненно, успеет за это время покинуть пределы королевства. – Поручение епископу Эксетерскому датируется согласно Calendar of close rolls 6 августа 1323 г. По поводу дела Мортимера были отправлены и другие приказы, в частности, 10 августа шерифам графства Кент, а 26 августа самому графу Кентскому. Непохоже, чтобы король Эдуард узнал раньше 1 октября, куда направился беглец.

10

Это было собрание лэ Марии Французской… – Мария Французская, старейшая из французских поэтесс, жила во второй половине XII в. при дворе Генриха II Плантагенета, куда была привезена или призвана Алиенорой Аквитанской, неверной государыней (по крайней мере, по отношению к своему первому супругу, королю Франции), но наверняка великолепной и создавшей вокруг себя в Англии настоящий центр искусства и поэзии. Алиенора сама была внучкой поэта, герцога Гийома IX.

Произведения Марии Французской пользовались огромным успехом не только при ее жизни, но еще и на протяжении всего XIII и в начале XIV в.

11

…обосновался здесь, на Ломбардской улице, и открыл собственный банк. – Компания Толомеи, один из самых значительных сиенских банков наряду с компанией Буонсиньори, приобрела большую силу и известность с начала XIII в. Ее главным клиентом было папство; основатель банка, Толомео Толомеи, участвовал в посольстве к Папе Александру III. При Александре IV Толомеи стали исключительными банкирами Святого престола. Урбан IV номинально исключил их из общего отлучения, направленного против Сиены между 1260 и 1273 гг. Примерно в это же время (конец царствования Людовика Святого, начало царствования Филиппа III) Толомеи начали появляться на больших ярмарках

в Шампани; тогда же Спинелло основал французскую ветвь компании. В Сиене до сих пор существуют площадь и палаццо Толомеи.

12

Доход от этой операции поделим пополам, – Указ Карла IV о запрещении вывоза французской монеты был, несомненно, случаем спекуляции, потому что другой указ, опубликованный через четыре месяца, запрещал покупать золото и серебро по более высокому курсу, нежели денежный курс королевства. Год спустя у итальянских купцов были отняты права прочей буржуазии; правда, это не означает, что им пришлось покидать Францию, просто их вынуждали еще раз выкупать разрешение на коммерцию.

13

…возвел в канцлеры одного из своих подопечных, Жана де Шершемона, – 19 ноября 1323 г. Жан де Шершемон, сеньор де Венур из Пуату, каноник собора Парижской Богоматери, казначей Ланского собора, уже был канцлером в конце царствования Филиппа V. Карл IV, взойдя на престол, заменил его Пьером Родье. Но граф Карл де Валуа, чье благорасположение он, видимо, сумел приобрести, вновь назначил его в этот день на прежнюю должность.

14

Из которых триста тысяч ливров уже обещаны любезному дядюшке Карлу Валуа… – Порядок, предложенный Папой после заседания Королевского совета в Жизоре в июле 1323 г., предусматривал, что королю полагается 300 000 ливров из 400 000 ливров побочных расходов. Но было также оговорено, – и тут торчат уши Валуа – что, если король Франции по какой бы то ни было причине не возглавит экспедицию, эта роль по праву перейдет к Карлу де Валуа, который тогда в личном порядке получит предоставленные Папой субсидии.

15

…тянувшейся сто лет войне. – Обычно забывают, что у Франции с Англией были две столетние войны. Окончанием первой (1152–1259) считается заключение Парижского договора между Людовиком Святым и Генрихом III Плантагенетом, хотя между 1259 и 1338 гг. обе страны еще два раза вступали в вооруженный конфликт, и по-прежнему из-за Аквитании (в 1294-м и, как увидим, в 1324 г.). Во второй же Столетней войне, начавшейся в 1328 г., предметом спора будет уже не Аквитания, но наследование французского престола.

16

…с тем чтобы разместить в ней крупный гарнизон, отчасти угрожающий окрестностям? – Это пример крайней запутанности, к которой пришла феодальная система, которую обычно полагают весьма простой; она и в самом деле была таковой, пока не задохнулась в противоречиях, порожденных ее же применением. Надо вполне сознавать, что вопрос о Сен-Сардосе, или Аквитанское дело, был, по сути, не исключением, то же самое случилось с Артуа, с Фландрией, с Валлийской Маркой, с испанскими королевствами, с Сицилией, с немецкими княжествами, с Венгрией – со всей Европой.

17

В одном Париже насчитывалось триста тысяч душ… – Эти цифры рассчитаны историками на основании документов XIV в. Исходя из количества приходов и умерших на один приход получается в среднем по одному умершему на четырех живых, что вполне соотносится с периодом около 1328 г.

За время второй Столетней войны битвы, голод и эпидемии сократили общую численность населения больше чем на треть; только через четыре века Франция

вновь достигнет того уровня населенности и благосостояния, которые были у нее при Филиппе Красивом и его сыновьях. Еще в начале XIX в. можно было заметить, что в пяти французских департаментах средняя плотность населения ниже цифр 1328 г. И даже в наши дни некоторым городам, процветавшим в средние века и разоренным Столетней войной, еще далеко до их былого положения. Уже по одному этому можно судить, во что обошлась эта война нации.

Купить: https://tellnovel.com/moris-dryuon/francuzskaya-volchica-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити